

ЗОЛОЧЕННЫЕ



ИХ СДЕЛАЛИ
ИЗГОЯМИ

ОНИ СТАЛИ
ВОИНАМИ

НАМИНА
ФОРНА

Намина Форна Золоченые

Серия «Young Adult. Магические миры»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69220261
Золоченые: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-186605-1*

Аннотация

Многообещающая новинка! Намина Форна – это Тони Моррисон в жанре Young-Adult!

По ее венам течет проклятое золото. Ее зовут мерзким словом «нечистая». Родной отец отрекся от нее.

Ей дали выбор: медленно умирать или сражаться плечом к плечу с такими, как она. Их называют алаки. Они практически бессмертны. И созданы, чтобы уничтожить угрозу для империи.

Вдали от родной деревни, в самом сердце столицы-крепости, ей предстоит узнать, какие тайны скрывают эти стены – и что сокрыто в ней самой.

Кто она? Изгой или героиня? Дева или демон?

Отзывы с Amazon:

«Потрясающий дебют. В „Золоченых“ переосмысливается идея сестринства. Книга, которая вдохновляет и дарит надежду». – Стефани Гарбер, автор бестселлера «Караваль»

«Новое эпическое фэнтези. Захватывающие повороты сюжета, суровая целеустремленная героиня... „Золоченые“ – ослепительный и мощный дебют». – Элизабет Лим, автор бестселлера «Сплетая рассвет»

«Грозные героини и продуманная феминистская мифология – вот что отличает дебютную фантастическую трилогию Форны, вдохновленную Западной Африкой. Активное действие делает повествование очень динамичным. Продуманный сюжет дает читателям повод задуматься над острой социальной повесткой: ведь в романе описано множество способов, которыми общество загоняет женщин в клетку и превращает их в товар». – Publishers Weekly

«Рынок переполнен женским янг-эдалт фэнтези, но своим дебютом Намина Форна привносит в этот жанр свой свежий взгляд... Динамика действия подкрепляется впечатляющей историей сестринства, сила которого – в настоящей женской дружбе и сотрудничестве». – The Guardian

Содержание

1	12
2	27
3	41
4	63
5	74
6	85
7	104
8	113
9	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Намина Форна

Золоченые

Namina Forna
THE GILDED ONES

Copyright © 2023 by Namina Forna

This edition is published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на обложке *Яны Слепцовой*

© 2023 by Namina Forna This edition is published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

NAMINA FORNA

THE GILDED
ONES



БЕССМЕРТНЫЕ

ЗОЛОЧЕННЫЕ

THE MERCILESS ONES



Намина Форна

ЗОЛОЧЕНЫЕ



Москва

*Моему отцу, который научил меня мечтать.
Моей матери, которая научила меня делать.
Моей сестре, которая поддерживала меня
на всем пути*

1

Ритуал Чистоты уже сегодня. Тревожная мысль кружится в голове, я спешу к сараю, запахивая плотнее плащ, чтобы защититься от холода. Сейчас раннее утро, солнце еще даже не показалось над припорошенными снегом макушками деревьев вокруг нашего маленького фермерского домика. В темноте сгущаются тени, обступают слабенький круг света моей лампы. Под кожей нарастает зловещее покалывание. Как будто рядом что-то есть, и вот-вот краем глаза...

Я просто нервничаю, говорю я себе. Я много раз чувствовала это покалывание и ни разу не видела ничего странного.

Дверь сарая открыта, на столбе висит фонарь. Отец уже внутри, расстилает сено. Он – просто силуэт в темноте, сгорбленный высокий человек. Всего три месяца назад он был бодрым и крепким, его светлые волосы еще не тронула седина. А потом пришла красная оспа, от которой слегли и он, и мать. Теперь он сутулый и увядший, глаза его слезятся, а волосы поредели, как у человека на несколько десятилетий старше.

– Уже проснулась, – тихо говорит он, скользнув по мне взглядом серых глаз.

– Не могу больше спать, – отвечаю я, хватая доильное ведро, и направляюсь к Норле, нашей самой большой корове.

Я должна отдыхать в уединении, как остальные девушки,

что готовятся к Ритуалу, но на ферме слишком много работы, а рук не хватает. С тех самых пор, как три месяца назад умерла мать. К глазам подступают слезы, я их смаргиваю.

Отец подкладывает в стойла еще сена.

– Благословен тот, кто пробуждается узреть славу Безграничного Отца, – цитирует он Безграничные Мудрости. – Что ж, готова к сегодняшнему дню?

Я киваю:

– Готова.

Позже, после полудня, во время Ритуала Чистоты старейшина Дуркас проверит меня и остальных девушек шестнадцати лет. Как только мы докажем, что чисты, то станем законными жителями деревни. Я наконец стану женщиной – той, кто может выйти замуж, обзавестись собственной семьей.

Мысль вызывает новую волну тревоги.

Я краем глаза бросаю на отца взгляд. Он напряжен, движения даются ему с трудом. Он тоже волнуется.

– Мне тут пришло в голову, отец... – начинаю я. – Что, если... что, если...

Я осекаюсь, незаконченный вопрос тяжело повисает в тишине. Полумрак сарая затапливает невыразимым ужасом.

Отец одаривает меня ободряющей, как ему кажется, улыбкой, но уголки его рта кривятся.

– Что, если что? – спрашивает отец. – Поделись со мной, Дека.

– Что, если моя кровь нечиста? – шепчу я, страшные слова рвутся наружу стремительным потоком. – Что, если меня заберут жрецы, изгонят?

Я вижу это в кошмарах, страхи пронизывают и другие сны тоже, где я посреди темного океана, и меня зовет голос матери.

– Об этом ты тревожишься?

Я киваю.

И хотя такое случается редко, каждый знает о чьей-то сестре или родственнице, в которой обнаружили нечистое. В последний раз это стряслось в Ирфуте несколько десятилетий назад – с кузиной отца. В деревне до сих пор шепчутся о том дне, когда ее поволокли прочь жрецы, и больше несчастную никто не видел. Семья отца так и не оправилась от брошенной на них тени.

Вот почему они всегда так святы – всегда первые у дверей храма, и все мои тетушки в масках, скрывающих даже рот. Безграничные Мудрости предостерегают: «Лишь нечистая, богохульная, порочная женщина остается открыта пред глазами Ойбмо», но это относится только к верхней половине лица, от лба до кончика носа. Мои тетушки, однако, даже на глазах носят маленькие квадратики прозрачной ткани.

Когда отец вернулся с военной службы и привез с собой мать, вся семья немедленно от него отреклась. Слишком великий риск – принять женщину неизвестной чистоты, к тому же чужачку.

Потом родилась я – дитя достаточно темнокожее, чтобы считаться полной южанкой, но с серыми глазами отца, ямочкой на подбородке и мягкими завитками волос, говорящих обратное.

Я прожила в Ирфуте всю жизнь, и во мне все еще видят чужачку – пялятся, тычут пальцем, отвергают. Даже в храм бы не пустили, если бы кто-то из родни отца не настоял. Пусть лицом я точь-в-точь отец, этого недостаточно. Деревне нужно меня проверить, и лишь тогда они, как и семья отца, меня примут. Как только моя кровь окажется чиста, я наконец стану своей.

Отец подходит, ободряет меня улыбкой.

– Ты знаешь, что такое быть чистой, Дека? – спрашивает он.

Я отвечаю отрывком из Безграничных Мудростей:

– Блаженны кроткие и покорные, смиренные и истинные дочери человеческие, ибо незапятнаны они пред ликом Отца Безграничного.

Каждая девочка знает эти слова наизусть. Мы повторяем их всякий раз, как входим в храм, – постоянное напоминание, что женщины созданы помогать мужчинам, подчиняться их желаниям и приказам.

Я киваю:

– Думаю, да.

В глазах отца мелькает неуверенность, но он снова улыбается и целует меня в лоб.

– Тогда все будет хорошо.

Он возвращается к сену. Я сажусь рядом с Норлой, тревога все не дает мне покоя. В конце концов, я похожа на мать еще кое-чем, и отец этого не знает – а деревня и подавно, иначе возненавидят сильнее во сто крат.

Я непременно должна сохранить все в тайне. В деревне никто не должен узнать.

Никогда.

* * *

Когда я добираюсь до деревенской площади, все еще стоит раннее утро. Легкий холодок в воздухе, с крыш домов свисают сосульки. А солнце все равно яркое, лучи его отражаются от высоких арочных колонн Храма Ойомо. Они олицетворяют молитву, медитацию на движение солнца Ойомо по небосклону каждый день. По ним верховные жрецы определяют, в какие два дня года проводить весенний и зимний Ритуалы. Один вид этих колонн вызывает во мне очередную волну тревоги.

– Дека! Дека! – взволнованно машет с другой стороны дороги знакомая неуклюжая фигура.

Ко мне спешит Эльфрида, так плотно закутанная в плащ, что видны лишь ярко-зеленые глаза. Мы обе всегда стараемся закрывать лица, когда выходим на площадь – я из-за цвета кожи, Эльфрида из-за красноватого родимого пятна

на левой щеке. Девушкам разрешается оставаться открытыми до тех пор, пока они не пройдут Ритуал, но нет смысла привлекать к себе внимание, особенно в такой день.

Этим утром крошечная мощеная площадь Ирфута заполнена сотнями людей, и каждую минуту прибывают новые телеги. Они едут со всей Отэры: надменные южане с почти черной кожей и туго завитыми волосами; добродушные жители запада с длинными черными конскими хвостами и татуировками по всей золотистой коже; бесстыжие северяне, розовощекие, со сверкающими на морозе светлыми волосами; и тихие жители востока всех оттенков, от темно-коричневого до цвета яичной скорлупы, их прямые и шелковистые черные волосы струятся по плечам блестящими реками.

Пусть до Ирфута не так-то просто добраться, он славится хорошенькими девушками, и мужчины съезжаются издалека посмотреть на достойных, прежде чем те наденут маску. Многие девушки сегодня найдут себе мужей – если еще этого не сделали.

– Разве не здорово, Дека? – хихикает Эльфрида.

Она указывает на площадь, нынче по случаю празднично украшенную. Двери всех домов, где живут достойные девушки, выкрашены красным, в окнах весело развеваются флаги, у каждого входа горят яркие фонари. Есть даже танцоры в масках и на ходулях и огнеглотатели. Они бродят в толпе, оттягивая внимание от торговцев, продающих мешочки жареных орехов, копченые куриные ножки и засахаренные яб-

локи.

При виде всего этого меня пронизывает радостное волнение.

– Здорово, – отвечаю я с веселой улыбкой, а Эльфрида уже тащит меня за собой.

– Скорей, скорей! – подгоняет она, проносясь мимо толпы гостей, и многие, остановившись, неодобрительно хмурятся из-за отсутствия рядом с нами родственников-мужчин.

В большинстве деревень женщины не могут покинуть дом без сопровождения мужчины. Ирфут, однако, невелик, и мужчин очень не хватает. Слишком многие ушли на воинскую службу, как мой отец, когда был моложе. Некоторые даже пережили обучение и стали *джэицу*, избранной стражей императора. Замечаю их по краям площади, настороженных, в сверкающих красных доспехах.

Сегодня их, по меньшей мере, двенадцать, куда больше, чем обычные два-три, которых столица присылает на зимний Ритуал. Может, это правда, о чем люди шептались: в этом году через границу прорвалось больше смертовизгов.

Эти чудовища веками осаждают южную границу Отеры, но за последние несколько лет они стали гораздо агрессивней. Обычно они нападают ближе ко дню Ритуала, разрушают деревни, пытаются украсть нечистых девушек. Ходят слухи, что нечистота делает девушек много вкуснее...

К счастью, Ирфут лежит в отдаленной части севера, в окружении заснеженных гор и непроходимых лесов. Смер-

товизги никогда не найдут сюда дорогу.

Эльфрида не замечает моих размышлений, она слишком занята – улыбается воинам-джату.

– Ну, разве они не красавцы в этом алом? Слышала, их только призвали, и сейчас они объезжают провинции. Как чудесно, что император прислал их нам к Ритуалу!

– Наверное... – бормочу я.

На самом деле я еще никогда не видела в день Ритуала столько джату. Обычно их один или два, а тут не меньше пятнадцати. Может, и правда, что люди шепчутся: дела на южной границе все хуже, император пытается завлечь больше новобранцев.

У Эльфриды урчит в животе.

– Ну, быстрее, Дека! – подгоняет она и тащит, тащит меня за собой. – Еще чуть-чуть, и в пекарне будет не протолкнуться.

Она тянет меня так сильно, что я спотыкаюсь, налетаю на что-то большое и твердое.

– Прошу прощения, – выдыхаю, подняв взгляд.

На меня сверху вниз смотрит приезжий, растянув губы в хищной ухмылке.

– Что же это, еще одна сладкая крошка? – подступает он ближе.

Я тут же отшатываюсь на шаг. Как же я так сглупила? Мужчины из других деревень не привыкли видеть женщин без сопровождения и могут предположить самое ужасное.

– Простите, я должна идти, – шепчу я, а он хватает меня, прежде чем я успеваю отскочить, пальцы жадно тянутся к пуговице, что скрепляет верх моего плаща.

– Ну не надо так, крохотка. Будь хорошей девочкой, сними-ка плащ, дай нам посмотреть, зачем мы сюда... – Широкие руки отрывают его от меня, не давая закончить фразу.

Я поворачиваюсь; на мужчину сверху вниз пристально смотрит Ионас, старший сын старейшины Олама, деревенского главы, и на его лице нет ни следа его обычной легкой улыбки.

– Если хочешь в бордель, то он дальше по дороге, в твоём городе, – произносит Ионас, сверкая голубыми глазами. – Тебе, быть может, лучше вернуться туда.

Одной разницы в их росте достаточно, чтобы мужчина заколебался. Пусть Ионас и считается самым красивым юношей нашей деревни, с его-то светлыми волосами и ямочками на щеках, он еще и среди самых крупных, массивный, как бык, и такой же грозный.

Пришелец с раздражением сплевывает на землю.

– Не кипятись, мальчик. Я всего лишь малость пошутил. Она ж даже не северянка, ради всего святого.

От неприятного напоминания в моем теле напрягается каждый мускул. Какой бы я ни была тихой, безобидной, темная кожа – вечная метка моей принадлежности к южанам, ненавистным племенам, которые давным-давно завоевали северяне, вынудили его стать частью Единого царства, ныне

известного как Отера. Мне поможет лишь Ритуал Чистоты.

Пожалуйста, пусть я чиста, пусть я чиста, возношу я маленькую молитву Ойомо.

Я плотнее кутаюсь в плащ, желая провалиться сквозь землю, но Ионас шагает к приезжему еще ближе, и его глаза воинственно пылают.

– Дека родилась и выросла здесь, как и все мы, – рычит он. – Ты больше к ней не притронешься.

Я таращусь на Ионаса, потрясенная неожиданной защитой. Пришлый фыркает.

– Как уже сказал, я просто пошутил. – И бросает друзьям: – Пошли лучше выпьем.

Они с ворчанием удаляются. Ионас поворачивается ко мне и Эльфриде.

– Все в порядке? – спрашивает он с тревогой на лице.

– Да. Просто немного испугалась, – выдавливаю я.

– Но не пострадала. – Теперь его взгляд устремлен на меня, такой искренний, что мне стоит невероятных усилий не съежиться от стыда.

– Нет, – качаю я головой.

Ионас кивает.

– Приношу извинения за случившееся. Мужчины порой как звери, особенно если рядом девушка, столь хорошенькая, как ты.

Девушка, столь хорошенькая, как ты...

Слова бьют в голову, как крепкий хмель, я даже не сразу

понимаю, что Ионас продолжает.

– Куда направляетесь? – спрашивает он.

– В пекарню, – отвечает Эльфрида, поскольку я никак не обрету дар речи.

Она кивает на маленькую уютную постройку через дорогу от нас.

– Я понаблюдаю отсюда, – говорит Ионас. – Чтобы вас никто не обидел.

И снова устремляет взгляд на меня.

Мои щеки пылают все горячеей.

– Благодарю, – шепчу я и спешу в пекарню.

Эльфрида хихикает.

Верный слову Ионас всю дорогу не сводит с меня глаз.

* * *

В крошечной пекарне уже целая толпа, как Эльфрида и предупреждала. Маски поблескивают в тусклом свете, женщины повсюду, и они покупают нежнейшие розовые пирожные чистоты и огромное количество хлебцев в форме солнца в честь события. Обычно маски просты, они сделаны из тончайших деревянных пластин или пергамента и наудачу разрисованы молитвенными символами. Однако в праздничные дни, подобные этому, женщины надевают самые затейливые, сделанные в виде солнца, луны или звезд, с геометрической точностью украшенные золотом или серебром.

Ойомо – бог не только солнца, но и математики, и большинство женских масок отражают собой божественную симметрию, дабы улаживать его взор.

С этого дня я тоже начну носить маску, крепкую и белую, на пол-лица, от лба до носа, из плотного пергамента и тонкой щепы. Ничего особенного, но лучшее, что мог позволить себе отец. Может, когда я ее надену, Ионас испросит разрешения за мной ухаживать.

Тут же гоню нелепую мысль прочь.

Что бы я ни надела, мне никогда не стать такой красивой, как другие девушки деревни, с гибкими фигурками, розовыми щечками, шелковистыми светлыми волосами. Я же куда крепче, с темно-коричневой кожей, а единственное, что играет в мою пользу, – это мягкие черные волосы, которые облачками выются вокруг лица.

Мать однажды сказала, что таких, как я, в южных провинциях считают красавицами, но здесь я больше ни от кого этого не слышала. Все остальные видят лишь то, как я от них отличаюсь. Для меня найти мужа в какой-нибудь близлежащей деревне – уже удача, но я должна пытаться. Случись что с отцом, его родня бросит меня по первой попавшейся причине.

От одной мысли, что тогда случится, меня прошибает холодный пот: до конца дней жить в непосильном труде и навязанном благочестии храмовой девы или, еще хуже, придется пойти в дом удовольствия в какой-нибудь южной провин-

ции.

– Видела, как он на тебя смотрел? – шепчет мне Эльфрида. – Я уж подумала, сейчас схватит и унесет. Так романтично.

Я похлопываю себя по щекам, чтобы они перестали пылать, губы сами собой растягиваются в легкой улыбке.

– Не говори глупостей, Эльфрида. Это он всего лишь из вежливости.

– Да он так смотрел, это же...

– Что? Это же что, Эльфрида? – перебивает жеманный голосок, и следом тут же кто-то хихикает.

Вся холодею. Пожалуйста, только не сегодня...

Я поворачиваюсь и вижу Агду со свитой из местных девушек. Сразу понимаю: она явно видела, как я говорю с Ионасом, потому что вся дрожит от ярости. Может, она и первая красавица в нашей деревне, бледнокожая и белокурая, но за тонкими чертами кроются злобный нрав и ядовитое сердце.

– Думаешь, что раз сегодня можешь доказать свою чистоту, то юноши вдруг начнут считать тебя красивой? – фыркает Агда. – Как бы сильно ты ни желала другого, никакая маска никогда не скроет эту твою жуткую южную кожу. Интересно, что будешь делать, когда ни один мужчина не захочет принять такую в свой дом, и ты останешься жалкой уродливой старой девой без мужа и семьи.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в плоть.

Не отвечай, не отвечай, не отвечай...

Агда бросает пренебрежительный взгляд в сторону Эльфриды.

– Эта свое лицо-то худо-бедно прикрыть может, а ты хоть все тело спрячь, все и так знают, что под...

– Следи за языком, Агда, – перебивает ее строгий голос из передней части лавки.

Он принадлежит госпоже Норлим, ее матери. Она подходит, многочисленные камни ее золотой маски сверкают так ярко, что больно глазам. Госпожа Норлим – жена старейшины Норлима, самого богатого человека деревни. В отличие от других женщин, которые могут позволить себе только золотые полумаски, а если полные – то серебряные, госпожа Норлим носит церемонную, которая закрывает все лицо, с изображением лучей солнца вокруг бледно-голубых глаз. Украшены и ее руки – на кожу наклеены золотые завитки и полудрагоценные камни.

– Словам женщины надлежит быть сладкими, как фрукты и мед, – напоминает госпожа Норлим дочери. – Так гласят Безграничные Мудрости.

Агда кротко склоняет голову:

– Да, матушка.

– Кроме того, – продолжает госпожа, и жалость в ее глазах идет вразрез с веселой ухмылкой маски, – Дека ничего не может поделать с тем, что ей досталась такая же грязная кожа, как у ее матери, так же, как Эльфрида не способна скрыть

родимое пятно. Такими уж они родились, бедняжки.

Благодарность обращается гневом, кровь кипит в венах. Грязная? Бедняжки? Да пусть уж назовет нечистой и дело с концом. Едва держусь, чтобы сохранить на лице покорность, когда иду к двери, и мне чудом удается.

– Спасибо за добрые слова, госпожа Норлим, – заставляю себя процедить уже на пороге.

Последние силы уходят на то, чтобы не хлопнуть дверью.

Снаружи я часто дышу, пытаюсь вернуть самообладание, усмирить слезы ярости, что наворачиваются на глаза. Почти не замечаю, как за мной следует Эльфрида.

– Дека? – зовет она. – Ты как?

– В порядке, – шепчу я, плотнее заворачиваясь в плащ, чтобы она не увидела моих слез.

Мою ярость.

Неважно, что говорят госпожа Норлим и другие, твержу я себе. Я буду чиста. Накатывают сомнения, напоминают о странных, зловещих отличиях, которые передалась мне от матери, но я отметаю их прочь. Матери удавалось скрывать эти отличия до самой смерти, и я смогу. Нужно только продержаться еще несколько часов, и я докажу, что чиста.

И тогда я наконец буду вне опасности.

2

Остаток утра я готовлюсь к Ритуалу Чистоты. Я должна выгладить одежду отца, начистить нашу обувь. Я даже сделала венок из засушенных цветов, их ярко-красный цвет хорошо выделится на фоне церемониальной синевы платья. Сразу после Ритуала я пойду на деревенский пир и должна выглядеть как можно лучше. Меня впервые пригласили на пир. Или любое другое торжество, если уж на то пошло.

Чтобы унять волнение, я сосредотачиваюсь на пирожных с крыжовником, которые собираюсь принести на пир. Стараюсь каждое вылепливать совершенным – края аккуратно подогнуты, щедрая ложка взбитых сливок, – но как же тяжело без ножа. С того момента, как девушке исполняется пятнадцать, и до самого Ритуала Чистоты ей запрещено брать в руки острые предметы. Так гласят Безграничные Мудрости, чтобы до Ритуала мы не пролили ни капли крови. Девочек, которые все же поранятся на шестнадцатом году жизни, уводят в храм для очищения, их семьи становятся изгоями, все их надежды на будущее замужество рушатся. Остается лишь уповать, что кожа должным образом исцелится, и Ритуал подтвердит их чистоту. Да и большинство мужчин просто-напросто не возьмут в жены девушку со шрамами, особенно такими.

Презренны девы, кто покрыт отметинами или шрамами,

кто ранен или истекает кровью, ибо осквернили они храм Безграничного Отца.

Эти слова мне вбивали в голову с самого детства.

Будь у отца больше денег, он отправил бы меня в Дом Чистоты, где я провела бы весь год перед Ритуалом в безопасности мягких, усыпанных подушками залов. Но Дом Чистоты могут позволить себе лишь такие, как Агда. Остальным приходится просто избегать ножей.

Я так глубоко ухожу в свои мысли, что не слышу шагов отца.

– Дека? – хрипит он.

Я поворачиваюсь и вижу, как отец нервно переминается с ноги на ногу, сжимая в руках коробку. Он открывает ее, неуверенно улыбаясь.

– Это тебе, – говорит отец и достает расшитое платье.

Оно выкрашено в темно-синий цвет Ритуала, по его подолу вышиты крошечные золотые солнца, и это еще не самое захватывающее. Из-под платья выглядывает изящная голубая полумаска с белыми шелковыми лентами для завязывания ее на голове. Я вскрикиваю, слезы застилают мне глаза. Я еще никогда не видела ничего прекраснее: очень тонкая работа, несмотря на деревянную основу.

– Каким образом? – выдыхаю я, прижимая подарок к груди.

У нас нет денег на новую одежду, не говоря уже о масках. Для Ритуала я перешла старое мамино платье.

– Мама тайком сделала их для тебя в прошлом году, – отвечает отец, извлекая из коробки что-то еще.

– Мамин любимый кулон... – шепчу я.

Невольно всхлипываю от счастья, когда смотрю на тонкую, искусно сделанную золотую цепочку с изящной золотой сферой и старым знакомым знаком, ее украшающим. Он почти похож на *куру*, священный символ солнца, но есть еще кое-что, отметина столь потертая, что я за столько лет ее так и не разглядела. Мать носила этот кулон изо дня в день, без исключений.

Подумать только, она так давно все это для меня подготовила.

Мою грудь сдавливает, я потираю ее, пытаюсь унять слезы. Мне так не хватает матери, ее голоса, ее запаха, того, как при виде меня она всегда улыбалась.

Вытираю глаза, поворачиваюсь к отцу.

– Она сделала все, чтобы я их для тебя сохранил, – говорит он, затем прочищает горло. На щеках отца появляется румянец, когда он достает из коробки последнюю вещь: венчик из свежих ярко-алых цветов, красиво мерцающих на свету. – А вот это, однако, от меня. Торговец сказал, что они долговечны.

– Они прекрасны! – вскрикиваю я, совершенно потрясенная. Мне еще никогда не дарили столько подарков. – Все прекрасно. Благодарю от всего сердца, отец.

Он неловко хлопывает меня по спине.

– А теперь быстренько собирайся. Сегодня ты им докажешь, что твое место здесь.

– Да, отец.

Я спешу сделать, как велено, и внутри крепнет решимость. Я им докажу. Я надена новое платье и цветы, а затем, как только Ритуал закончится, я надена и новую маску. И буду носить ее с такой гордостью, что даже Агда не сумеет меня отвергнуть.

Эта мысль вызывает веселую улыбку.

* * *

Мы добираемся до храма ранним вечером. Деревенская площадь уже вся забита – доброжелатели и любопытствующие зрители толкаются за место получше, девушки в церемониальных синих одеждах ждут, выстроившись в ряд перед ступенями храма, по обе стороны каждой девушки стоят ее родители. Отец занимает место рядом со мной, и в тот же миг звучат барабаны. К ступеням торжественно маршируют джату, готовясь к прибытию старейшины Дуркаса, их алые доспехи сверкают на фоне синего моря платьев, грубые боевые маски скалятся в тусклом вечернем свете. Каждая напоминает жуткое лицо демона, такую маску можно легко прикрепить к шлему или снова снять.

Поскольку двери еще не распахнулись, я разглядываю совершенно белые стены храма, его красную крышу. Крас-

ный – цвет святости. Цвет, которым должны истекать чистые девушки, когда их проверит старейшина Дуркас.

Пожалуйста, пусть моя кровь будет красной, пусть моя кровь будет красной, мысленно молюсь я.

Замечаю впереди Эльфриду, она вся напряжена. Наверняка думает о том же. Как и остальные девушки, она в последний раз открыла лицо и стоит, слегка сгорбившись, чтобы родимое пятно не так бросалось в глаза.

Храмовые двери со скрипом приходят в движение, толпа замолкает. Наверху лестницы появляется старейшина Дуркас, на его лице как всегда измученная, неодобрительная гримаса. Как и у большинства жрецов Ойомо, его долг – искоренять нечистоту и скверну. Потому его тело столь худое, а взгляд столь пристален. Религиозный пыл почти не оставляет места для пищи или чего-либо еще. Посреди гладко выбритой головы сияет золотая татуировка куру, символ солнца.

Старейшина протирает руки над толпой.

– Безграничный Отец благословляет вас, – произносит он нараспев.

– Безграничный Отец благословляет всех нас! – эхом разносится по всей площади.

Старейшина Дуркас поднимает к небу церемониальный клинок. Он вырезан из слоновой кости, он острее самого искусно заточенного клинка.

– И на четвертый день, – цитирует старейшина глубоким,

раскатистым голосом, который он любит использовать в таких случаях, – он создал женщину опорой, чтоб мужчина вознесся к священным возможностям, божественной славе. Женщина есть величайший дар Отца роду мужскому. Отрада в самый тяжкий час. Утешение в...

Слова старейшины превращаются в низкий гул, мою кожу снова покалывает, под ней приливает кровь. И одновременно обостряются все чувства: ощущаю, как неподвижен воздух, как потрескивают тающие сосульки, и где-то вдалеке... хрустит под тяжелой поступью опавшая листва.

Что-то приближается... Мысль порхает, словно испугнутый мотылек.

Я гоню ее прочь. Ну почему именно сейчас?!

Отец, должно быть, заметил мое рассеянное выражение лица, он печально вздыхает, щурясь против солнца.

– Вечно твои мысли где-то блуждают, Дека, – шепчет он совсем тихо, чтобы никто больше не заметил. – Ты так похожа на мать.

Уголки его губ опускаются, и я бросаю на него хмурый взгляд.

– Морщины будут.

И он улыбается, внезапно становясь тем добродушным мужчиной, каким был, прежде чем красная оспа и смерть матери разом превратили его в тень самого себя.

– Это река осуждает ручей, что он течет слишком быстро, да? – шутит он, и настает пора двигаться.

Я киваю, возвращая все внимание ступеням храма. Старейшина Дуркас закончил проповедь. Сейчас начнется Ритуал Чистоты.

Первой в храм входит Агда, ее лицо бледно от волнения. Будет ли Ойомо благосклонен или же рассудит, что она поддалась нечистому? Толпа в напряжении подается вперед. Болтовня, шепотки – все стихает, пока не остаются лишь недовольное тьявканье собак и фыркание лошадей в ближайших стойлах.

Мгновение спустя из храма доносится испуганный вскрик. И вскоре появляется Агда, она прижимает голубую шаль к груди, где старейшина Дуркас взрезал ей кожу церемониальным клинком. У верха лестницы Агда скидывает шаль над головой, показывая всем алую кровь, которой пропитана ткань. По толпе прокатываются радостные, полные облегчения возгласы. Агда чиста.

Родители бросаются ее обнимать, отец с гордостью надевает ей на лицо первую маску – на пол-лица, изящную и золотую, в виде растущей луны, знак ее новообретенной женственности. Агда окидывает толпу победоносным взглядом, кривит губы в ухмылке, заметив меня.

Едва она сходит со ступеней, по ним поднимается следующая, и Ритуал Чистоты начинается заново.

Я устремляю взгляд на двери храма. Один их вид – огромных, красных, величественных внушает мне ужас, заставляет нутро сжаться, а ладони взмокнуть. Кожу покалывает все

сильней – теперь непрерывно, отчего приподнимаются тоненькие волоски, растет осознание.

Что-то приближается. Опять просачивается в мой разум мысль.

Все это ничего не значит, напоминаю я себе твердо. Я чувствовала подобное множество раз и еще никогда не видела ничего странного...

Ужас охватывает меня так внезапно и сильно, что подгибаются колени. Хватаю отца за руку, чтобы удержаться на ногах. Он хмурится.

– Дека, ты в порядке?

Я не отвечаю. Страх сковал мне губы, и все, что я могу, – это в ужасе смотреть, как вокруг ног отца змеится зловещий завиток тумана. Он все больше заполняет площадь, принося прохладу. Солнце над головой бежит прочь, его изгоняют облака, что теперь клубятся по всему небу.

Отец неодобрительно смотрит вверх.

– Солнца нет.

Но я больше не смотрю на небо. Мои глаза устремлены на окраину деревни, где лишенные листья деревья потрескивают под тяжестью снега и льда. Оттуда и сочится туман, густой, с резким, холодным запахом и кое-чем еще – далеким, пронзительным звуком, от которого трепещут все мои нервы.

Звук превращается в бьющий по ушам визг, все до единого в толпе застывают каменными статуями на снегу. По пло-

щади шепотом разносится единственное слово:

– Смертовизги...

И вместе с ним, как по щелчку пальцев, затишье лопается.

– Смертовизги! – Командир джату обнажает меч. – К оружию!

Толпа бросается врассыпную, мужчины бегут к конюшням за оружием, женщины спешат увести дочерей и сыновей по домам. Джату с трудом пробираются сквозь них к лесу, откуда выходят серые исполины, возвещая о своем приближении нечеловеческими воплями.

Самый крупный смертовизг первым переступает покрытую листвою границу, отмечающую опушку. Неуклюжий чудовищный зверь, до изможденности тощий, со свисающими едва ли не до колен когтистыми руками, с торчащими по всему костлявому позвоночнику шипами. Он почти кажется человеком, черные глаза мигают, узкие ноздри трепещут, когда он осматривает деревню. Он поворачивается к площади, где все еще стою я, неспособная шелохнуться от ужаса, и едва дышу короткими глотками.

Тварь разевает пасть, втягивает воздух...

Вопль пронзает мне череп, раскаленная добела агония вгрызается в тело. Скрежесу зубами, мышцы заклинивает. Рядом падает на землю отец, из его ушей и носа льется кровь. Вокруг корчатся другие жители деревни, их лица искажены гримасами ужаса и мучений.

Кроме меня, на площади остаются стоять только джату, их

шлемы специально сделаны так, чтобы не пропускать вопли смертовизгов. И все же в прорезях боевых масок сверкают белки их глаз, дрожат на мечах руки. Джату здесь в основном новобранцы, едва вступившие в ряды, как и говорила Эльфрида. Они еще не сражались на южных границах, которые смертовизги осаждают постоянно – они, наверное, еще даже ни разу не видели этих тварей. Будет чудом, если хотя бы кто-то из них выживет.

Если хотя бы кто-то из нас выживет.

Эта мысль выводит меня из оцепенения, я рывком поворачиваюсь к отцу.

– Нужно бежать! – кричу я, дергая его так сильно, что он чуть не отрывается от земли. Страх привел мои мышцы в действие, сделал их неестественно сильными. – Нужно бежать!

Оглядываюсь на свинцового смертовизга, его волосы хлещут, извиваются вокруг него.

Тварь как будто чувствует, поворачивается, встречается со мной взглядом на расстоянии. И в нем есть что-то... разумное. В моих легких не остается воздуха. Каждый мускул в теле вдруг ослабевает, застывает под этим хищным черным взглядом. И когда я наконец нахожу силы хотя бы съежиться, чудовище уже крадется вперед, и вместе с ним другие. Многие, многие другие. Они появляются из тумана, кожистые серые фигуры, источающие угрозу. Некоторые спрыгивают с деревьев и бегут на четвереньках, взрезая когтями

снег.

– Защитить деревню! – ревет командир джату, поднимая меч. – Во имя Безграничного Отца!

– Во имя Безграничного Отца! – отзываются джату и бегут на тварей.

Из моей груди рвется испуганный вздох, когда отец, пошатываясь, поднимается и вторит призыву вместе с остальными деревенскими мужчинами, которые сейчас все поспешно обматывают уши платками или поясами.

– Беги в храм, Дека! – кричит он мне.

Командир джату в этот момент надвигается на предводителя смертовизгов, но чудовище не отступает. Оно замирает, склонив голову набок. На мгновение кажется, будто в его глазах мелькает веселье. Смертоносное веселье. А затем тварь вдруг приходит в движение и жестоко бьет джату наотмашь так, что тот летит через всю площадь. От удара тело ломается, во все стороны брызжет кровь.

Это знак напасть остальным смертовизгам.

Они врываются в деревню, крушат щиты воинов-джату, потрошат несчастных острыми когтями. Разносится эхо, всюду кровь, все сильнее пахнет мочой. Джату пытаются дать отпор, но их слишком мало, и они слишком неопытны против чудовищных смертовизгов.

Я задыхаюсь от ужаса, твари с нечеловеческим упоением отсекают конечности и раздирают тела, с диким звериным весельем отрывают головы. В считанные минуты от джату ни-

чего не остается, и следующими станут местные мужчины.

– Не дать им пройти! – ревет старейшина Олам, но уже слишком поздно.

Смертовизги пропахивают ряды деревенских мужчин, вонзаются в них когтями и клыками. Чем больше люди кричат, тем неистовее становятся твари. Кровь брызжет на землю, рисуя алым по белому снегу; в мешанине внутренностей и сухой листвы валяются трупы.

Это настоящая резня.

Ужас пронзает мое сердце, я обращаюсь к отцу. Он и двое других вступают в бой с тварью, отталкивают ее мечами и вилами. Отец не видит еще одного смертовизга, что несется к нему с горящими жаждой крови глазами. Не видит потянувшихся к нему обнаженных когтей.

– НЕ-Е-ЕТ! – рвется из груди отчаянный крик, прежде чем я успеваю его унять, такой мощный, будто к нему приешивается что-то еще. Нечто более глубинное. – Стойте, прошу! Оставьте отца в покое! Пожалуйста, просто оставьте нас в покое!

Смертовизги разворачиваются, их черные глаза полны ярости. Время будто замирает, предводитель чудовищ придвигается ближе. И ближе, и ближе, пока не...

– СТОЙ! – кричу я, и в голосе звенит еще больше силы.

Смертовизг резко застывает, из его глаз утекает жизнь. На миг он кажется почти шелухой, пустым сосудом, а не живым существом. Остальные твари такие же неподвижные

статуи в вечернем свете.

На деревню опускается тишина. Я слышу лишь грохот собственного сердца. Громче. Громче. А потом...

Движение.

Предводитель смертовизгов разворачивается и, пошатываясь, бредет к лесу, остальные тоже. И за ними следом, по пятам, отступает туман. Проходит меньше минуты – и все они исчезают.

Облегчение пьянит, кружит голову. Меня охватывает смутное чувство, отчего все тело кажется легче пушинки чертополоха.

Ступаю к отцу, и на лице застывает улыбка. Он все еще стоит там, где был, но не испытывает облегчения. Он бледен, весь мокрый от пота. Он выглядит почти... испуганным.

– Отец? – зову я, потянувшись к нему.

К моему изумлению, он с отвращением отшатывается.

– Гнусный демон! – кричит отец. – Ты что сотворил с моей дочерью?!

– Отец? – повторяю я, делаю еще шаг, растерянная, а он снова отступает.

– Не смей меня так называть, тварь! – шипит он.

Вокруг него успели собраться мужчины. Женщины высыпают из домов, среди них Эльфрида. На ее лице выражение, которого я у нее никогда еще не видела. Страх.

– Глаза, Дека. Что с твоими глазами? – шепчет она в ужасе.

Ее слова немного рассеивают туман в моей голове. Глаза?.. Собираюсь спросить отца, о чем они все говорят, а он кивает на что-то позади меня. Поворачиваюсь и вижу Ионаса, и в его руке поблескивает меч. Я хмурюсь, сбитая с толку. Ионас пришел меня защитить, как утром?

– Ионас? – спрашиваю я.

Он вонзает меч мне в живот. Боль так остра, так жгуча, что я едва замечаю, как мне в руки хлещет кровь.

Красная... сперва она очень красная, но затем ее цвет начинает меняться, мерцать и в считанные мгновения становится золотым.

Перед глазами сгущаются тени, кровь в моих венах течет все медленней. Подвижно лишь золото, что льется мне в ладони, словно скользящая по коже река.

– Как я всегда и подозревал, – доносится издалека голос.

Я поднимаю взгляд, надо мной нависает старейшина Дуркас. На его лице – мрачное удовлетворение.

– Она нечиста! – провозглашает он.

Это последнее, что я слышу перед смертью.

3

Когда я проснулась, вокруг было темно и странно тихо. Шум и толпы деревенской площади исчезли, сменившись тенями, холодом и тишиной. Где я? Озираюсь, понимаю, что это какой-то подвал, вдоль каменных стен высятся аккуратные ряды бочонков с маслом. Пытаюсь пошевелиться, встать, но что-то мешает – грубые железные кандалы, одни на ногах, другие на запястьях. Дергаюсь, выворачиваюсь, дышать становится все труднее, но кандалы неумолимы. Они вбиты в стену позади меня. В горле застревает крик.

– Очнулась, – прорывается сквозь панику голос Ионаса.

Он стоит в темноте, разглядывая меня с холодной пристальностью, которой обычно удостаивает нищих и прокаженных. Выражение его лица настолько сурово, что я испуганно шарахаюсь назад.

– Ионас, – хрипло зову я, пытаюсь вырваться из оков. – Что происходит? Почему я здесь?

Он кривит губы в отвращении.

– Ты меня видишь? – спрашивает Ионас и добавляет, как бы сам себе: – Ну, конечно же.

– Я не понимаю, – говорю я и сажусь. – Почему я здесь? Почему меня приковали?

Ионас зажигает факел. Яркость света настолько меня ослепляет, что приходится прикрыть ладонью глаза.

– Ты видишь меня в полной темноте и еще смеешь спрашивать, почему ты здесь?

– Я не понимаю, – повторяю я. – В голове все смешалось.

– Как ты можешь не помнить...

– Не говори с *этим!* – обрывает Ионаса холодный голос.

Из угла поднимается отец, лицо его сурово. Прежде скрытый колонной, он все это время был здесь, и теперь я его вижу, несмотря на окутывающий угол мрак. Почему я его вижу так ясно? Ионас зажег всего один факел. Укол страха пронзает нутро, я вспоминаю слова Ионаса: «Ты видишь меня в полной темноте»...

Отец коротко кивает Ионасу:

– Позови остальных.

Тот спешит вверх по лестнице, оставляя отца, похожего на призрак, в полной темноте. Он приближается, и его глаза горят странным чувством. Гнев? Отвращение?

– Отец! – шепчу я, но он не отвечает и, присаживаясь передо мной на корточки, скользит взглядом по мне, пока не останавливается на животе. В платье рваная дыра, видна гладкая кожа. Я смущенно прикрываюсь, но что-то, видимо, не так.

Что я забыла?..

– Даже шрама нет, – замечает отец странным, отрешенным тоном.

Он что-то сжимает в руке... мамин кулон.

Должно быть, снял с моей шеи, пока я спала.

По моей щеке скатывается слеза.

– Отец! – хриплю я. – Отец, что же это? Почему я здесь?

Тянусь к нему, но замираю. Он суров, неприступен. В нем будто на медленном огне кипит отвращение. Почему он не отвечает? Почему не смотрит мне в глаза? Я бы все отдала, чтобы он меня обнял, сказал, что я совсем зря так испугалась, его милая глупенькая девочка.

Отец ничего этого не делает, лишь смотрит наконец мне в лицо с этим ужасным, отрешенным отвращением.

– Лучше бы ты просто умерла, – выплевывает он.

И тогда я вспоминаю.

Ритуал Чистоты, приближение главного смертовизга – какими холодными были эти черные глаза, когда мы встретились взглядом. Слезы уже всерьез льются по щекам, когда я вспоминаю джату и деревенских мужчин с оружием. Кровь на снегу. Отец в опасности. А потом голос, рвущийся с моих же губ... ужасный, нечеловеческий голос... и сразу же взгляд отца, с которым он приказал Ионасу пронзить меня мечом. Взгляд, который я поняла лишь тогда, когда увидела сочащуюся из живота золотистую кровь.

– Нет... – шепчу я, сотрясаясь в рыданиях.

Я почти наяву чувствую, как погружается в плоть зазубренный клинок, как меня окутывает тьма. Я раскачиваюсь взад-вперед, погруженная в ужас так глубоко, что почти не замечаю гулкие шаги по ступеням, не вижу приближающиеся силуэты. Лишь спустя несколько минут я поднимаю

глаза и понимаю, что надо мной старейшина Дуркас увлеченно читает Безграничные Мудрости, а подле него молча стоят забинтованный Олам и другие. Здесь их всего пятеро. Гадаю, где же остальные, и в сознании вспыхивает образ – спины двух старейшин ломаются под ударами когтей смертовизга, – заставляя желудок сжаться.

Сгибаюсь пополам, на языке едкий привкус рвоты. Старейшина Дуркас выходит вперед, его глаза полны отвращения.

– Подумать только, какую тварь мы пригрели.

От его слов тошнота встает у меня в горле комом. Бросаюсь на колени, тяну руки.

– Старейшина Дуркас! – умоляю я. – Пожалуйста, это ошибка! Я не нечиста! Нет, нет!

Меня захлестывает вина, страшное напоминание: как покалывало кожу, когда явились смертовизги, как они ушли только потому, что я так велела.

Я им приказала.

Старейшина Дуркас, не обращая на меня внимания, поворачивается к мужчинам:

– Кто очистит эту тварь, избавит нашу деревню от ее греха?

Его слова приводят меня в ужас. Снова молю:

– Прошу, старейшина Дуркас, пожалуйста!

Но тот не отвечает, только поворачивается к отцу, который смотрит на меня. И в его глазах... неуверенность.

– Помни, это не твоя дочь, – говорит ему старейшина Дуркас. – Пусть она выглядит человеком, это демон, который в нее вселился, – демон, что призвал смертовизгов на наш порог и убивал наши семьи.

Призвал смертовизгов? Слова рвутся наружу сами собой так, что я ими давлюсь.

– Я не звала! Я не звала смертовизгов!

Однако ты заставила их уйти... напоминание змеей про- скальзывает в мысли, но я гоню его прочь.

Старейшина Дуркас пропускает мои крики мимо ушей, он говорит с отцом.

– Ты принес ее нечистоту в нашу деревню. Очистить ее – твой долг.

К моему ужасу, отец мрачно кивает, делает шаг вперед и протягивает руку. Ионас вкладывает в его ладонь меч.

Когда клинок блестит, поймав луч тусклого света, мой страх достигает предела. Я отчаянно вжимаюсь в стену.

– Отец, нет! Прошу, не надо!

Но отец не обращает на мои мольбы никакого внимания, он приближается, пока не утыкает кончик меча мне в горло. Холодный, леденяще холодный... Я поднимаю взгляд на отца, пытаюсь увидеть хоть намек на человека, который когда-то носил меня на плечах и оставлял для меня порции молока, где больше всего сливок, ведь знал, как я их люблю.

– Отец, пожалуйста, не надо! – По моим щекам текут слезы. – Я твоя дочь. Я – Дека, твоя Дека, помнишь?

На мгновение в его глазах что-то вспыхивает. Сожаление...

– Очисти ее, или за тобой и всей твоей семьей придут джату, – шипит старейшина Дуркас.

Отец закрывает глаза. Сжимает губы в жесткую, суровую линию.

– Я очищаю тебя во имя Ойомо, – провозглашает он, поднимая меч.

– Отец, нет!..

Клинок рассекает мне шею.

* * *

Я – демон.

Я понимаю это, как только открываю глаза. Я по-прежнему прикована к стене подвала, но мое тело снова невредимо. На коже нет ни единого шрама, ни изъяна – даже там, где отец меня обезглавил. Касаюсь шеи, чувствую под пальцами шелковистую гладкость, и из груди рвется всхлип. Исчезли даже детские шрамы.

Торопливо встаю на колени, склоняю голову в молитве.

«Прошу, не покидай меня, Безграничный Отец, – умоляю я. – Прошу, очисти меня от всякого зла, что мной овладело. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

– Он не услышит твоих молитв, – говорит из угла старейшина Олам. Похоже, теперь его черед меня стеречь. В отли-

чие от остальных, он делает это скорее с восхищением, нежели с омерзением. – Он уже дважды изгнал тебя из своего За-земья.

Его слова пронзают мое сердце, подобно стреле.

– Потому что я демон, – шепчу я с едкой горечью страха и отвращения на языке.

– Именно. – Старейшина Олам не утруждает себя приукрашиванием ответа.

Ему и не нужно. Что за проклятое существо не умирает от обезглавливания? Даже смертовизг падет, если ему отделить голову от тела. Закрываю глаза, чтобы спрятаться от воспоминаний, стараюсь с выдохом изгнать из тела нарастающую панику.

– Где отец?

Старейшина пожимает плечами.

– Слег.

Что-то в его голосе заставляет меня напрячься.

– Когда?

– Пять дней тому назад, когда жилы твоей шеи протянулись обратно к телу и приросли.

К горлу снова подкатывает тошнота, и меня громко выворачивает наизнанку. В желудке, правда, мало что осталось, кроме воды и желчи. Как только приступ сходит на нет, я вытираю губы, мысленно отбрасывая бешено мечущиеся мысли и едкую вину.

Все эти годы отец терпел насмешки и жизнь изгоя – ради

меня. Ради надежды, что однажды я пройду Ритуал и докажу всем, что мое место здесь, в деревне. Но я именно та, кем они меня называли, только хуже... много хуже. И вот что я теперь наделала.

Старейшина Олам продолжает за мной наблюдать.

– Твоя подруга Эльфрида чиста, ежели тебе интересно, – говорит он. – Тем не менее мы за ней приглядываем. Она провела с тобой немало времени. Никогда не знаешь, как подобные связи способны запятнать человека.

Его слова прожигают меня насквозь.

– Она невиновна, – шепчу я, ужаснувшись. Это я одна слышала смертовизгов. Это я ими повелевала... – Эльфрида здесь ни при чем.

Старейшина Олам пожимает плечами.

– Быть может. Полагаю, время покажет...

Его бессердечность раздирает мне душу, но я не могу над этим задумываться.

– Мой отец, – напоминаю я старейшине, – как его состояние?

Олам вновь равнодушно пожимает плечами.

– Долго не проживет. Если ты останешься бессмертной, – многозначительно добавляет он.

Я вздрагиваю, стыд и вина скручивают мои внутренности в тугий узел. Теперь я понимаю, почему здесь старейшина Олам, почему остальные сделали так, чтобы он занял место моего отца. Он умело заставляет людей принять его точ-

ку зрения. До того, как стать главой деревни, он был очень успешным торговцем. И он ухитрялся внушать покупателям желание приобрести ровно то, что ему было необходимо.

Ему не нужно проделывать то же самое со мной. Я опускаю взгляд на свои вены, желудок сжимается, когда я вижу их мерцание, сияющее внутри них золото, демоническую сущность, которая навсегда отмечает меня нечистой. Я хочу их вырвать, вгрызться так глубоко, чтобы их опустошить.

Внезапно я подумала о жителях деревни, что сидят по домам, как по норам, о больном отце, прикованном к постели. Даже об Эльфриде. Теперь я отчетливо помню страх в ее глазах. Отвращение. Что случится, если демон во мне вновь восстанет? Если решит наброситься? Напасть на деревню? Призвать еще смертовизгов?

Все эти разбросанные на снегу мертвые тела...

Мое дыхание сбивается, я пытаюсь его восстановить и отдаться на милость Ойомо. Старейшина Дуркас говорил, что оно повсюду, стоит только к нему потянуться – стоит только подчиниться Его воле.

И я подчинюсь. Сделаю все, чтобы смыть с себя скверну, грех.

Поднимаю глаза на старейшину Олама.

– Убей, – шепчу я, и по щекам катятся слезы. – Ты должен знать как. Я – кощунство в глазах Ойомо. Я – мерзость.

На губах старейшины играет мрачная улыбка. Победа.

– Говорят, душу очищает огонь, – бормочет он, снимая

со стены факел и многозначительно глядя в пламя.

Из моей груди рвется новый крик, но я его сглатываю. Все будет хорошо, говорю я себе. Мне всего лишь нужно подчиниться, покориться огню, и, возможно, тогда Ойомо простит мне мою нечистоту.

И одновременно я понимаю: это ложь. Огонь меня не убьет. Пожалуй, ничто не сможет. И даже тогда я должна продолжать попытки – покоряться и терпеть боль, пока Ойомо снова не проявит ко мне благосклонность. Или Он не дарует мне милосердную смерть.

* * *

Цок. Цок. Цок.

По ушам бьет резкий, настойчивый стук.

Когда я с трудом открываю глаза, передо мной сидит женщина, маленькая и хрупкая, с головы до ног закутанная в темные одежды. Что еще странней, на ее руках белые, похожие на кости, железные перчатки. На их кончиках – заостренные когти, они тускло светятся в темноте подвала. Словно у женщины призрачно-белые руки. Белорукая... Наверное, я так и стану ее называть.

Заметив мой взгляд, Белорукая перестает барабанить пальцами. Из-под капюшона поблескивает деревянная полумаска, жуткий скорчившийся демон, разинувший в реве пасть. Я моргаю. На какой-то миг я было подумала, что это

боевая маска, но такие носят лишь мужчины. Может, она снится мне в кошмарном сне? Или у меня просто горячка? Пожалуйста, пусть это будет просто сон. Пожалуйста, хватит боли... хватит крови.

Золотых рек, струящихся по полу...

Крошечные кинжалы впиваются мне в подбородок и шею.

– Нет, нет, ты не оставишь меня без внимания, *алаки*, – произносит Белорукая мелодичным голосом с сильным акцентом.

Я, задыхаясь, вырываюсь из ее перчаток. Это не сон, она действительно здесь! От ее плаща исходит аромат льда и елей, прогоняя вездесущую вонь горячей плоти, тающего жира, обугленных костей. Когда я глубоко вдыхаю, смакуя запах, Белорукая резко припадает к полу, впивается мне в глаза взглядом. Меня охватывает страх.

Ее глаза темные... очень, очень темные. В последний раз я видела такие у смертовизга, но у него не было белков.

Белорукая – человек. И это ужасно.

– Очнулась. Хорошо, – бормочет она. – В сознании?

Я мигаю в ответ.

Белорукая так резко дает мне затрещину, что от удара дергается голова. Потрясенная, я касаюсь щеки, но женщина опять хватает меня когтями за подбородок.

– Ты сейчас, – цедит она по слогам, – в сознании, *алаки*?

И вновь это слово. А-ла-ки. Я произношу его про себя, сосредотачиваясь на странных, отталкивающих звуках, и са-

жусь.

– Да, – сипло отвечаю я, облизывая губы.

Мой голос – оголенный нерв, мой язык – суше, чем дно нашего озера в середине лета. Я не разговаривала несколько дней... или уже минули недели? Месяцы? Сколько я уже здесь? Мои воспоминания сливаются в оргию крови и ужаса – золота, мерцающего на камнях пола, когда меч разрубает мышцы, сухожилия, что сползаются, срастаются воедино...

Старейшины выносят ведра, в глазах горит жажда наживы. Они собираются снова меня расчленить, разорвать на части, дабы собрать текущее в моих венах золото. С губ рвется крик, пронзительный, полный смятения, он смешивается с моими молитвами. Пожалуйста, прости меня. Я не хотела грешить. Я не знала о скверне в моей крови. Пожалуйста, прости.

Ледяная сладость ножа, рассекающего мне язык...

Белорукая щелкает когтями.

– Но-но, не теряй сознание.

Она роется в складках плаща, извлекает маленький стеклянный флакон, взмахивает им у меня под носом.

Едкий запах обжигает ноздри, я резко выпрямляюсь, бешено моргая, и воспоминания разбегаются обратно по своим потаенным уголкам. Белорукая снова придвигается с флакончиком, но я быстро отворачиваюсь.

– Я не сплю, не сплю, – хрипло шепчу я.

– Хорошо, – говорит Белорукая. – Не люблю, когда меня

игнорируют алаки.

– Алаки? – переспрашиваю я.

– Никчемные, нежеланные. Так называют тебе подобных. – Белорукая пристально на меня смотрит. Почти чувствую, как под капюшоном она хмурится. – Ты не знаешь, кто ты такая?

Я с трудом понимаю, что она говорит.

– Я нечистая. – Перед моими глазами утекают реки золотой крови.

В ее глазах – блестит веселье.

– Несомненно, однако это не полностью объясняет твою суть.

Что-то шевелится в моей душе, глухой отголосок, почти любопытство.

– Мою суть? И что значит «мне подобных»?

Она имеет в виду других нечистых девушек, которые здесь погибли?

Всплывают новые воспоминания – нетерпеливый шепот в темноте.

Почему она не умирает?

Они всегда умирают во второй или третий раз. Обезглавливание, сожжение, утопление. Всегда одно из трех.

Эта девка противоестественна.

Противоестественна...

– Сделаешь верный выбор – и я расскажу.

Голос Белорукой резко возвращает меня в действитель-

НОСТЬ.

– Выбор?.. – Голова раскалывается, очень хочется спать.

Я закрываю глаза, но Белорукая достает что-то из кармана. Печать из чистого золота, с кругом обсидианов посередине одной стороны и старым Отеранским знаком на другой. Впервые вижу печать так близко, их носят лишь чиновники, а они в Ирфуте – редкие гости. Есть что-то странное в круге из камней. Прищуриваюсь, чтобы силуэт стал более четким.

Звезды. Камни в форме звезд.

– *Ансефа*, – отвечает на мой невысказанный вопрос Белорукая, указывая на символ. – Это приглашение.

Я в замешательстве сдвигаю брови.

– Приглашение для чего?

– Для тебя, Нечистая. Император Гизо пожелал создать армию из тебе подобных. Он приглашает вступить в ее ряды и защищать нашу горячо любимую Отеру от тех, кто противится ее воле.

Белорукая развязывает маску, и я в тревоге отшатываюсь. Это что же, уловка? Диковинная проверка? Женщины никогда не снимают маску перед незнакомцами, только перед членами семьи или самыми дорогими друзьями. Закрываю глаза, боясь того, что под ней увижу. Белорукая весело смеется.

– Взгляни на меня.

Я лишь крепче жмурюсь.

– Взгляни. – Теперь в приказе звучит сталь.

И я смотрю.

Я еще никогда не встречала женщины прекрасней, и моя челюсть отвисает от удивления. Белорукая небольшого роста, у нее короткие, туго завитые волосы и сияющая, гладкая кожа иссиня-черного цвета, как ночь в разгар лета. Но больше всего поражают глаза, черные и бездонные, словно она видела худшие проявления человечества и выжила, чтобы рассмеяться им в лицо.

Я думала, что снесла тяжелые пытки, но что-то подсказывало, что Белорукая не только их вытерпела, но почерпнула из боли силу.

Она чудовищна... содрогаюсь от осознания этого. Вот почему Безграничные Мудрости предостерегают, что нельзя говорить с женщинами без маски, нельзя даже смотреть в их сторону.

Под ней может скрываться демон.

Белорукая придвигается ближе.

– А теперь ответь-ка мне – что ты решила? В конце концов, у тебя есть лишь два пути: остаться здесь, и пусть старейшины все отворяют тебе кровь, прикрываясь Правом казни, или же отправиться со мной в столицу и пробиться в жизни так, что даже эти жадные ублюдки не смогут над тобой насмеяться.

– Я нечиста, – медленно произношу я, заталкивая поглубже тщетную надежду, что воспряну от слов Белорукой. Мою скверну ничто не изменит.

Ойомо, ниспошли мне благодать. Ойомо, отпусти мне мои грехи. Ойомо, прошу, даруй забвение.

Отворачиваюсь, но острые перчатки немедленно впиваются мне в кожу. Белорукая заставляет меня встретиться с ней взглядом.

– Ты можешь решить свою судьбу, алаки, это выбор, которого никто не давал твоим предшественницам. – Ее тон довольно приятен, однако в нем кроется чистая сталь. – Однако, если ты и правда хочешь, чтобы Право казни привели в исполнение...

– Право казни?

Белорукая упомянула его уже второй раз.

– Алаки не должна остаться в живых, а также ни один из тех, кто ей пособляет, – цитирует она, словно читая со свитка. – Точные слова из Права казни для вашего рода – слова, что вынуждают каждую девушку Отеры неизбежно проходить Ритуал Чистоты, дабы обнаружить всех тебе подобных и без промедления казнить.

Земля уходит из-под моих ног. Дабы обнаружить всех тебе подобных и казнить... Старейшины все это время знали, кто я такая, они просто ждали Ритуала, чтобы наконец оборвать мою жизнь...

– Слушай внимательно, алаки, – говорит Белорукая, действуя столь стремительно, что я ощутила боль в груди лишь после того, как когти перчатки уже вспороли кожу.

Меня пробирает дрожь: я опускаю взгляд и вижу порез

ровно в том же месте, где сделал бы его старейшина Дуркас на моем Ритуале Чистоты.

Золото уже сочится наружу, пятная меня своим злом. Я дергаюсь в сторону, прикрывая рану, но Белорукая растирает каплю меж пальцев.

– Проклятое золото.

Она протягивает их, испачканные позолотой, ко мне. Я смотрю на них, словно зачарованная, оцепеневшая от страха.

Проклятое золото?

Такие гадкие слова...

– Именно оно говорит, что ты не человек, ты демон.

От слез щиплет глаза, от смеси ужаса и тщетного унижения. Белорукой не нужно мне напоминать, кто я есть. Я знаю, что я демон, мерзкий и нечистый, достойный лишь презрения в глазах Ойомо. Сколько бы я ни умоляла, сколько бы безоговорочно ни подчинялась, Он никогда меня не слушает, Он меня даже не слышит.

Почему ты меня не слышишь?

Я буду стараться сильнее, я не буду кричать, даже если они снова меня расчленят, взрезая ножами жир, прорубая кость и...

Белорукая хватает меня за подбородок, глубоко впиваясь когтями, и мои мысли снова замирают.

– И оно же делает тебя ценным товаром. – Она поднимается на ноги. – Смертовизги начали мигрировать, южные границы уже преодолены. Тамошние джату не смогут долго

сдерживать натиск. Каждый день эти... существа подбираются к империи все ближе и ближе. Когда они нас разгромят и уничтожат – это лишь вопрос времени.

Содрогаюсь от воспоминаний, от хищного взгляда предводителей смертовизгов.

– А при чем тут я?

Белорукая изящно пожимает плечами.

– А кто лучше справится с чудовищем, чем другое чудовище?

Снова накатывает стыд, слезы жарче жгут мне глаза. Я не могу даже смотреть на Белорукую, а она продолжает:

– Сколько раз ты умирала? Семь, восемь...

– Девять, – устало поправляю я.

Обезглавливание, сожжение, утопление, повешение, отравление, побивание камнями, потрошение, кровопускание, расчленение...

Несколько расчленений.

Старейшины выносят ведра, в их глазах вновь горит жажда наживы.

«Продадим его в Норгороде. Знаю там торговца, который прилично заплатит...»

– Девять раз. – Голос Белорукой вырывает меня из бурного водоворота воспоминаний. – Ты умирала и всякий раз возрождалась. Значит, тебя уже достаточно испытали. Ты идеально подходишь для нужд императора.

– Ему нужны демоны?

– Нет, ему нужны воины. Целая армия нечистых, сражающихся во славу Единого царства.

Я распахиваю глаза. Таких, как я, хватит на целую армию? Ну конечно. Все эти сестры и дальние кузины, которых все эти годы забирали...

Белорукая смотрит на меня сверху вниз.

– Раз в сто лет смертовизги уходят в первобытное гнездовье, место, откуда они все родом. В этом году начинается новый цикл, император Гизо решил, что лучшего времени для удара не найти. Ровно через восемь месяцев, когда все смертовизги соберутся в гнездовье, туда хлынут его армии, уничтожат их проклятый дом. Мы сотрем их с лица Отеры. – Взгляд Белорукой пригвождает меня к месту. – Твой род возглавит атаку.

Мой род... От дурного предчувствия по спине пробегают мурашки, смешиваясь с острым уколом разочарования. Я уж было надеялась, что Белорукая тоже алаки. Заставляю себя устремить взгляд ей в глаза.

– Даже если это правда, зачем мне соглашаться? – хриплю я. – Что я получу, кроме вечности мучительных смертей на поле боя?

– Свободу от этого балагана. – Она обводит ладонью подвал. – Пока ты корчишься тут в муках, старейшины продают твое золото всякому, кто больше заплатит, чтобы благородные кланы делали себе красивые безделушки. За счет твоих страданий они набивают кошельки, паразиты, что в букваль-

ном смысле сосут твою кровь.

К горлу подкатывает тошнота, я с трудом сглатываю. Я знаю, что делают старейшины, я знаю, что они расчленяют меня ради золота. Но я должна подчиняться, должна заплатить за свою нечистоту.

Да простит меня Ойомо, он дарует мне...

– Отпущение грехов. – Сердце чуть не останавливается, когда Белорукая произносит это слово. – Вот что еще ты получишь.

И сердце замирает. Тишина так давит, что я с трудом слышу, как Белорукая продолжает:

– Сражайся во имя Отеры на протяжении двадцати лет, и ты получишь отпущение грехов, твоя демоническая природа очистится. Ты снова будешь чиста.

– Чиста? – шепчу я, все мысли исчезают, вытесненные этими невероятными словами: чиста, отпущение грехов. Снова человек, точно такая же, как все остальные...

Больше никакого покалывания.

Смотрю в потолок, глаза печет от слез.

Ты слышал. Все это время ты слышал. Ты все-таки меня слышал.

Едва замечаю, как Белорукая кивает:

– Да, жрецы императора это могут.

Теперь в голове проносится столько мыслей, столько чувств – облечение, радость, – что я едва держусь, чтобы не запрыгать на месте. И вспоминаю:

– А как же старейшины? А мой отец?

Белорукая пожимает плечами.

– А что они? Я – посланница самого императора Гизо. Живое воплощение его воли. Пойти против меня – значит пойти против Отеры.

Снова накатывает облегчение, за ним по пятам – решимость. Я могу стать чистой. Я могу найти место, где меня примут, впервые стать частью чего-то. У меня может быть будущее – нормальная жизнь, нормальная смерть...

Он наконец впустил меня к себе в Заземье.

– Ложка дегтя, алаки, – прерывает водоворот мыслей голос Белорукой. – Твое обучение будет в десять раз жестче, нежели у обычных солдат.

Когда я в тревоге съеживаюсь, она пожимает плечами.

– Ты – проклятый демон, презренная мерзость в глазах Ойомо, и относиться к тебе будут соответственно. – Когда я пристыженно опускаю глаза, Белорукая добавляет: – Однако сомневаюсь, что на тренировках ты столкнешься с чем-то, что хотя бы приблизится к уже пережитому здесь.

Она подается вперед, в ее глазах любопытство. Она небрежно держит печать в пальцах. Приглашение. Предупреждение.

– Ну что, решила?

Решила? Что тут вообще спрашивать? Все эти дни я молилась, подчинялась в надежде найти свое место... и вот же он, ответ, который я так искала. Я смотрю на Белорукую, и в мо-

их глазах уверенность.

Я принимаю печать.

– Да, – говорю я, – решила. Я согласна – при одном условии.

На губах Белорукой появляется веселая улыбка.

– Так-так?

– Пусть моему отцу скажут, что я мертва.

4

В результате старейшина Дуркас даже не спорит с Белорукой о моей судьбе. Женщина лишь многозначительно вскинула бровь – и я освобождена от оков и одета с такой скоростью, будто сами гончие Заземья, восстав, кусали старейшин за пятки. Пусть старейшинам совсем не хочется терять богатство, которое я приношу, они все же не смеют пойти против посланницы императора.

Когда меня ведут к ступеням храма, царит ночь и густая темнота – луна едва освещает заснеженную землю. Порыв ледяного ветра ударяет в лицо, вызывая слезы. Он причинил бы куда меньше боли, будь на мне маска, но я нечистая женщина. Теперь я никогда не смогу носить маску.

Мысль должна наполнить меня отчаянием, но во мне звенит благодарность. Произошло чудо, на которое я даже не надеялась, – меня освободили из подвала. Я и не думала, что вновь почувствую дыхание ветра, увижу небо. Все происходящее будто сон, чудесный и блаженный, который я вижу всякий раз, когда умираю, и моя кожа наливается тем же золотистым блеском, что и...

– Возьми, – щерится старейшина Дуркас, суя мне в руки что-то грубое и тяжелое. – Подношение для скакунов посланницы.

Я опускаю взгляд и с удивлением вижу холщовый мешок,

полный сочных красных зимних яблок. Давлюсь всхлипом. Зимние яблоки собирают лишь в самый разгар холодного времени года. Если эти, в мешке, и в самом деле так свежи, какими кажутся... значит, я была заперта в подвале целых два месяца, может, даже дольше.

Меня сотрясают рыдания, одно мучительней другого.

Старейшина Дуркас кривит губы в ухмылке.

– Жди здесь, – рычит он и уходит к повозке Белорукой, маленькой, деревянной и хлипкой, с крошечными окошками по бокам и единственной дверцей сзади.

В повозку запряжены два крупных существа. Они выглядят почти как лошади, но в них есть что-то странное.

Пока я удивленно моргаю, пытаюсь разглядеть их сквозь слезы, старейшина Дуркас зовет Белорукую:

– Я привел демона, как приказано.

Демон. Неужели это и правда моя суть? Я уже должна была свыкнуться, но стыд заставляет меня сторбиться, и я кутаюсь в плащ. А потом Белорукая направляет повозку ближе к ступеням, и я наконец вижу запряженных существ достаточно хорошо. Из лошадиной нижней половины тела растет человеческая грудная клетка, а вместо копыт у них когти хищной птицы.

Из моих легких вышибает весь воздух.

Это вовсе никакие не кони, они – *экусы*, повелители лошадей. Мама часто мне о них рассказывала – как они бегают по пустыне на этих своих когтях, пасут лошадей и вер-

блюдов. По удаленным горам севера тоже бродят подобные существа, более крупные и покрытые гораздо более густым мехом. Смотрится странно, но лоснящиеся белые тела этих эквусов одеты в тяжелые плащи, на когтистых ногах – меховые сапоги. Для таких созданий здесь, в северных провинциях, наверняка слишком холодно.

Тот, что покрупнее, видит, как я усталилась на них, и на ходу толкает локтем другого.

– Смотри, смотри, Масай ма, там человечек, ее можно съесть, – говорит он.

В девственно-белой гриве темнеет прядь черных волос, а его нос такой плоский, что напоминает звериный.

– Выглядит аппетитно, Брайма, – отвечает с улыбкой тот, что поменьше, белый от головы до хвоста, с большими нежно-карими глазами. – Разделим ее пополам?

Я испуганно отшатываюсь, но Белорукая успокаивает меня с веселой усмешкой.

– Не волнуйся, алаки, Брайма и Масайма – травоядные. Они едят только траву... и яблоки, – добавляет она многозначительно.

Растерянно мигаю, затем поспешно достаю из мешка два яблока.

– Ох, вот, это вам. – Подхожу ближе и медленно, осторожно протягиваю их нависающим надо мной эквусам.

Жадные длинные пальцы тут же выхватывают угощение у меня из рук.

– М-м-м, зимние яблочки! – восклицает Брайма, вгрызаясь в мякоть.

Неожиданно он совсем не кажется опасным – теперь он скорее похож на щенка-переростка, который просто поиграл в грозного пса.

Он – старший из близнецов, осознаю я, ведь, за исключением черной пряжи и небольшой разницы в размерах, они как две капли воды похожи, оба прекрасны в неземном, потустороннем смысле, несмотря на мощное телосложение.

Белорукая с нежностью качает головой.

– Веди-ка себя повежливей, Брайма, – упрекает она эквуса. – Дека – наша попутчица.

Пока я хмурюсь из-за такого странного описания ситуации, Белорукая поворачивается к старейшинам:

– Ну и чего вы ждете? Поторапливайтесь.

Старейшины быстро выполняют что велено. В крытую повозку ложатся теплая одежда, несколько свертков с едой и фляг с водой. Все это занимает считанные минуты, а затем Белорукая помогает мне забраться внутрь и захлопывает дверцу.

К моему удивлению, среди мехов уже кто-то сидит: девушка моего возраста, с пухленькой фигурой, со столь типичными для северных провинций голубыми глазами и светлыми волосами. Она мне радостно улыбается из-под целого моря мехов, и у меня вдруг покалывает кожу, но совсем иначе, чем когда я впервые ощутила смертовизгов. Это почти

как... узнавание.

Может ли она быть такой же, как я? Тоже алаки?

– Привет, – произносит она и дружелюбно машет рукой.

Она напоминает мне Эльфриду, застенчивая и пылкая одновременно. Только акцент другой, с плавными перекатами вверх-вниз, как говорят в самых отдаленных северных деревнях так высоко в горах, что добираться до них можно целыми неделями.

Я так ошеломлена, обнаружив другую девушку, что не сразу слышу звон. Подняв глаза, вижу, как к повозке приближается старейшина Дуркас – а в его руках кандалы. Белорукая уже сидит за вожжами, она бесстрастно наблюдает, как он с отвращением кивает в мою сторону.

– Эта – неправильная даже для алаки, – ядовито произносит старейшина. – Отказывается помирать, сколько ни убивай. Лучше приковать ее подальше от другой, пока дурная кровь не растеклась дальше.

Вздрагиваю от этих слов, меня охватывает стыд, но выражение лица Белорукой становится холодней ветра, что завывает вокруг.

– Я не боюсь маленьких девочек, равно как не нуждаюсь в кандалах, чтобы их подчинять, – говорит она, и каждый звук сочится льдом. – А сейчас прошу извинить.

Белорукая щелкает вожжами.

И вот так просто я покидаю дом, о котором ничего не знаю.

Старейшина смотрит нам вслед с леденящей ненавистью в глазах. Теперь, когда меня нет, кому он будет пускать кровь ради золота?

Когда мы проезжаем последние дома на окраине Ир-фута, Белорукая кивает в сторону девушки:

– Дека, это твоя спутница в нашем путешествии, Бритта. Она тоже направляется в столицу.

– Привет, – повторяет Бритта.

Удивительно, она будто совсем меня не боится, даже после слов старейшины Дуркаса. Но, с другой стороны, она ведь тоже алаки.

Заставляю себя коротко и застенчиво кивнуть.

– Добрый вечер, – бормочу я.

– Бритта расскажет тебе больше о подобных вам, – говорит Белорукая. – Она должна знать. Она такая же, как ты. Ну, почти.

Осторожно изучаю Бритту краешком глаза. Она ловит мой взгляд и снова весело улыбается. Никто еще так много мне не улыбался, кроме родителей и Эльфриды. Борюсь с желанием стыдливо опустить голову.

– Так ты новенькая в этих делах с алаки, – шепчет Бритта заговорщически.

– Только сегодня впервые услышала это слово, – бормочу я, не поднимая взгляда.

Бритта горячо кивает.

– А я и сама-то ни сном ни духом, пока вместе с месячны-

ми кровями не полилось проклятое золото. Па чуть не представился, когда ма показала это ему. Но они обо мне позаботились, позвали ее. – Бритта головой показывает на Бело-рукую. – А она приехала и забрала меня недели две назад. Кажись, мне еще повезло.

Когда я в замешательстве поднимаю на нее взгляд, она объясняет:

– Раньше почти всех девчонок с ходу казнили в храмах, а их родню наказывали, чтоб те и рта не раскрывали. Теперь всех посылают в столицу. Начали даже брать младших, кто еще не прошел Ритуал. Только заподозрят – сразу пырнут, и все.

Презренны девы, кто покрыт отметинами или шрамами, кто ранен или истекает кровью... слова Безграничных Мудростей проносятся у меня в голове, и я почти смеюсь над их иронией, бесчестьем. Теперь я понимаю, почему до Ритуала девушкам нельзя раниться. Это для того, чтобы нечистые, вроде меня, ни о чем не узнали и не задавали никаких вопросов, пока не станет слишком поздно.

Бритта смотрит на меня, в ее глазах жалость.

– Жуть, наверно, что творили с тобой те ублюдки. Мне так жаль.

Поток воспоминаний накатывает столь внезапно и стремительно, что я вся дрожу от их силы. Подвал... золото... к голове приливает кровь, перед глазами пляшут мушки. Я зажмуриваюсь, проваливаясь в темноту.

– Эй, все хорошо? – беспокоится Бритта.

Я медленно киваю:

– Да, – затем прочищаю горло, пытаюсь сменить тему: –

Так что же Белорукая рассказала тебе о нашем роде?

Бритта вскидывает брови.

– Белорукая? Это так *ее* звать? – изумляется она столь неожиданно, столь искренне, что я улыбаюсь и качаю головой.

– Я не знаю ее настоящего имени. Просто назвала так из-за перчаток.

Бритта кивает, быстро сообразив. Спрашивать имена посланников императора напрямую – к беде. А, как говорится, беду в дом приглашать не стоит.

Снова забрасываю удочку.

– Так кто же я такая? Кто мы? Белорукая так ничего и не объяснила.

– Демоны, – отвечает Бритта, и это слово осколком льда пронзает мне сердце. – Ну, или их потомки, худо-бедно. – Она наклоняется ближе и, широко распахнув глаза, шепчет: – Она говорит, что мы потомки Золоченых.

– Золоченых? – повторяю я, и меня охватывает тревога.

Я знаю, кто они такие... все в Отере знают. Четыре древних демона, что веками охотились на людей, разрушали одно королевство за другим, пока все оставшиеся наконец не объединились для защиты, создав Отеру, Единое царство. И лишь спустя несколько сражений первый император нако-

нец сумел уничтожить Золоченых всей мощью армий Отеры.

Каждую зиму в деревнях разыгрывают представления, повествующие о поражении четырех демонов. Пожилые те-тушки надевают маски Золоченых, чтобы пугать непослуш-ных детишек, а мужчины сжигают соломенные чучела, что-бы отогнать зло.

И теперь меня сравнивают с ними. Называют одной из них. Сердце вдруг колотится, как заполошное. Я лихора-дочно роюсь в своей котомке и достаю золотую печать, кото-рую получила от Белорукой, пересчитываю звезды ансефы. От слез печет глаза. Их четыре. В символе – четыре звезды. Как четыре Золоченых.

Почему я не догадалась об этом? Я должна была понять или хотя бы заподозрить в тот самый миг, когда моя кровь разлилась золотом. В конце концов, Золоченые были женщи-нами, их всегда изображают с обвивающими тело золотыми венами. Неудивительно, что Ойомо так долго меня не слы-шал, что мне пришлось так долго сносить казни, кровопус-кания. Я – оскорбление самой природы, и Бритта тоже.

А она улыбается, не замечая моего отчаяния.

– Ох, и у тебя тоже! – с трепетом говорит Бритта с точно такой же золотой печатью в ладонях. – Ма и па отдали Бело-рукой меня, а она мне – вот эту штуковину. Как же от раз-луки они горевали-то, но все-таки...

– Ты говорила про Золоченых? – быстро напоминаю я, пы-таясь остановить рассказ о ее родителях, о прежней жизни.

Бритта ничуть не боится. Она не испытывает ни капли отвращения к своей сути. Да и с чего бы, когда родители ее защитили, уберегли от вреда – от расчленения, – ну а мои... вспоминаю слова отца, и на глаза наворачиваются слезы: «Лучше бы ты просто умерла».

Плакал ли он, когда узнал о моей смерти, или же испытал облегчение, благодарность, что его освободили от страшного бремени? Думает ли он вообще обо мне?

Выдыхаю, впиваюсь ногтями в ладони, чтобы остановить круговерть мыслей и сосредоточиться на ответе Бритты.

– Ах, да, Золоченые! – радостно восклицает она. – Пока император Эмэка их не уничтожил, они успели смешать свою кровь с человеческой, разродившись кучей детей. Вот откуда взялись мы, их тыщу-раз-правнучки, видимо.

– Значит, мы все-таки демоны, – заключаю я с тяжелым сердцем.

– Наполовину, – поправляет меня Бритта. – Даже меньше четвертушки, наверно. Белорукая говорит, что мы меняемся только ближе к зрелости, а для нас это шестнадцать годков. Как только у нас случаются месячные, кровь постепенно становится золотой, а мышцы и кости оттого крепчают. Вот мы и излечимся скоро, и станем быстрее и сильнее простого люда. Мы нынче как хищные звери, вроде волков.

Хищные звери... горечь сжимает мне сердце.

Я помню прилив сил, который испытала, когда пришли смертовизги, помню, как могла видеть в темном подвале да-

же без факелов. Теперь я понимаю почему. Потому что я ничем не лучше животного – тварь на грани человеческого. Может, поэтому-то я и чуяла смертовизгов, поэтому-то их чуяла и моя мать.

Бессмыслица какая-то. Мама ведь не была алаки. Иначе истекла бы проклятым золотом, когда красная оспа превратила ее внутренности в кашу, а потом погрузилась в золоченый сон, засияла и исцелилась. Тогда она бы вернулась.

Она бы вернулась...

– Когда за мной явилась сама, я уже почти могла поднять корову, – смеется Бритта. – Очень удобно, если доишь, а они вдруг буянят. Слышала, ты тоже с фермы.

Медленно киваю, но мыслями я далеко. Мне есть о чем подумать. Есть о чем погоревать.

5

Следующая неделя стремительно пролетает туманом воющих снежных бурь, замерзающих дорог и ужасных кошмаров. И хотя я больше не в подвале, мне иногда снится, как надо мной смыкаются стены, как приближаются с ножами и ведрами старейшины, и глаза их горят жадной золотом. Я просыпаюсь в повозке вся в слезах, грудь тяжело вздымается от рыданий, а Бритта все придвигается, глядя на меня с тревогой. Обняла бы меня, позволь я ей, но я еще не готова к прикосновениям чужих рук.

Почти каждый день мне просто хочется кричать, пока не сорву горло.

Иногда я просыпаюсь – и вижу, что меха, укрывающие меня, разодраны в клочья. Я разрываю их во сне, кромсаю жесткую кожаную основу как пергамент. На такой подвиг не способны даже самые сильные мужчины деревни. Еще одно подтверждение того, что я противоестественна, порождение не людей, но грязных демонов.

Я испытываю почти облегчение, когда после восьми дней путешествия поднимаю взгляд и вижу, что мы в портовом Гар-Меланисе, где пересядем на корабль до Хемайры. Когда мы туда прибываем, то обнаруживаем, что весь город погружен во тьму. Ветхие, покрытые сажей постройки темнеют тесными рядами, освещенные изнутри тусклыми масляными

лампами. Наш корабль «Соляная свистулька» поскрипывает у причала, старое, приземистое судно с посеревшими парусами и облупившейся синей краской на бортах. По скользкой от снега палубе снуют жилистые матросы, размещая путников, перетаскивая багаж и припасы. Семьи жмутся друг к другу, спасаясь от холода, матери в простых дорожных масках, отцы с миниатюрными экземплярами Безграничных Мудростей на поясах, чтобы в путешествии сопутствовала удача.

Как только мы поднимаемся на борт, я нахожу тихий уголок и смотрю на ночное небо. По нему пробегают яркие зеленые и фиолетовые огни – северное сияние, возвещающее о возвращении колесницы Ойомо в южный дом. Это знак: после стольких недель заточения Ойомо наконец ответил на мои молитвы. Я на пути в Хемайру, к новой жизни солдата императорской армии – жизни, что принесет мне отпущение грехов.

Спасибо тебе, спасибо... кружит у меня в голове молитва благодарности.

– Наслаждаешься видом?

С Бриттой и эквусами ко мне приближается Белорукая. Все тот же взгляд, насмешливая ухмылка, что постоянно видна в тени ее полумаски. От этого волосы у меня на руках встают дыбом. И просачивается темная мысль, тревога, которую я изо всех сил стараюсь подавить. Что, если Белорукая лжет? Что, если все это уловка, коварный заговор с целью со-

гнать весь наш род в одно и то же место? Я бы не удивилась. Мы с Бриттой провели в ее обществе больше недели, а она до сих пор не сказала нам свое настоящее имя. Теперь мы открыто зовем ее Белорукой, поскольку она не возражала.

Я в жизни не встречала никого столь скрытного, даже среди жрецов.

Стираю эмоции с лица и поворачиваюсь к Белорукой.

– Он прекрасен, – отвечаю ей.

– Правда, правда? – Бритта так спешит влиться в беседу, поскольку подала голос, что даже не замечает, куда идет. – Почти напоминает мне небо в... АЙ! – взвизгивает она, спотыкаясь о лежащую грудой сеть, но сразу же отскакивает обратно, отряхивается и улыбается без намека на смущение. – Ух, чуть шею не свернула. Повезло, что таких, как мы, трудно убить, правда, Белорукая? – шутит Бритта.

Женщина пожимает плечами.

– Вообще-то большинство алаки умирают очень легко, – негромко произносит она.

Бритта морщит лоб.

– А как же золоченый сон?

– Только в случае недосмерти.

Настает мой черед хмуриться.

– Недосмерть? – спрашиваю я, подходя ближе. – Никогда о таком не слышала.

– У алаки смерть бывает двух видов, – объясняет Белорукая. – Недосмерть и последняя смерть. В первом случае

она мимолетна, непостоянна. Приводит к золоченому сну, который длится неделю-две и излечивает тело от всех ран и шрамов – за исключением, конечно, тех, что были получены до того, как кровь обратилась.

Меня пробирает дрожь. У меня не осталось никаких шрамов, даже детских. Все исчезли в тот миг, когда я пережила первую недосмерть.

Мне стало так не по себе, что я совсем смутно замечаю, как Бритта хмуро смотрит на крошечный шрам на своей руке.

– Тогда я, наверно, никогда от этого не избавлюсь, – произносит Бритта и вздыхает.

Белорукая, не обращая на нее внимания, продолжает:

– У алаки может быть несколько недосмертей, но лишь одна последняя – это способ, который убьет ее наверняка. Для подавляющего большинства алаки это либо сожжение, либо утопление, либо обезглавливание. Если алаки не погибнет от чего-то из этого, она практически бессмертна.

Моя голова вдруг закружилась, дыхание стало прерываться. Практически бессмертна? Я не хочу оставаться навечно неумирающей, жить вот так, в презрении и позоре. Не хочу оставаться такой ни мгновения дольше, чем нужно. Но если Белорукая говорит правду, и у всех алаки есть одна настоящая смерть, то со мной все так и будет. Я, в конце концов, уже умирала девять раз.

Я должна заслужить прощение. Должна!

У Бритты на лице благоговейный трепет.

– Бессмертна... – выдыхает она, а потом охает: – Что ж это, мы можем жить вечно?!

– Я сказала «практически», – поправляет ее Белорукая. – Никто не бессмертен, лишь боги. Однако ваш вид стареет очень медленно – по сотне лет за каждый человеческий. Добавь сюда быстрое исцеление, способность видеть в темноте, вот и неудивительно, что люди вас так боятся – особенно тех, кого трудно убить, как Деку.

Бритта снова устремляет на меня взгляд; я напрягаюсь, ожидая увидеть в них то самое выражение – отвращение, которое так часто отражалось в глазах старейшин. Но она уже даже не смотрит на меня, а хмурится, глядя на Белорукую.

– Белорукая? – зовет Бритта и, когда женщина к ней поворачивается, продолжает: – А мы же не начнем есть людей, да? Ну, Золоченые ели, а мы их потомки, с умениями всеми этими и...

– У тебя начали заостряться зубы? – перебивает Белорукая.

– Что? – недоумевает Бритта. – Ну, нет, но...

– Тебя привлекает мысль вкусить человеческой плоти?

Бритта кривится в отвращении:

– Нет, нет, конечно!

– Тогда больше не задавай мне глупых вопросов, есть людей, ну и ну, – фыркает Белорукая, качая головой, и жестом велит нам идти. – Бегите занимать места. До Хеймары нам

предстоит долгий путь.

Мы направляемся к трапу, ведущему вниз, в трюм, а Бритта все ворчит себе под нос.

– И вовсе не глупый вопрос, – бормочет она. – Болтовни-то про хищников, видение в темноте и все такое... логичный же вывод.

Бритта говорит так обиженно, что у меня изнутри поднимается смех, на мгновение отодвигая страх. Когда мы входим в трюм, пытаюсь удержать это веселье внутри.

* * *

– Вот мы и на месте!

Жизнерадостный голос Бритты – бальзам на мои мысли, которые в трюме неуклонно мрачнеют. Мы здесь всего несколько минут, а я уже на пределе. Стараюсь не замечать тени, вогнутые стены. Стараюсь не замечать сгущающуюся темноту, стекающий по спине пот.

«Это не подвал... не подвал...» – шепчу я себе.

Надо сосредоточиться на других пассажирах, на запахе немойтой кожи и прокисшего вина, морской воды. В подвале пахнет кровью, болью. Совсем не так, как здесь.

Заставляю себя снова обратить внимание на Бритту, которая указывает на отведенный нам угол, где места ровно столько, чтобы расстелить наши тюфяки и натянуть занавеску для уединения.

– Расстелимся – и почти как дома, – заключает Бритта.

В ее голосе звучат странные нотки, но она избегает моего взгляда и суетится, болтая все веселее.

– Конечно, пара штришков не помешает... яркая ткань или что-то вроде этого. Но тут приятно, и даже очень. – В ее голосе слышится еще больше напряжения.

Опустив взгляд, я вижу, что ее руки так сильно сжимают юбки, что аж пальцы побелели.

И наконец-то понимаю.

Как и меня, Бритту заклеямили нечистой, вырвали из единственной жизни, которую она знала, и насильно втолкнули в новую и пугающую. Семья, друзья, даже деревня, в которой она выросла, теперь для нее потеряны. Впервые в жизни она оказалась в этом мире совершенно одна. И ей страшно. Как и мне.

Вот почему она всю эту неделю пыталась стать ближе, утешая меня, когда я просыпалась в слезах от кошмаров, притворялась, что не замечает, когда я без причины начала кричать... Она не такая, как я, привыкшая к одиночеству, к ненависти... Ей нужно, чтобы ее приняли, чтобы она была частью общества. И сейчас единственное общество для Бритты – это я, связанная с ней демоническими предками и золотой кровью. Вот почему Бритта все время рядом, ожидая, что однажды я захочу шагнуть ей навстречу и поговорить.

Но я так погрузилась в собственные страдания, что ни ра-

зу этого не сделала.

Пытаясь с каждым выдохом отталкивать сгущающуюся тьму, я поворачиваюсь к Бритте.

– Трудно, должно быть, оставить семью, деревню, – шепчу я, робко начиная разговор.

Бритта удивленно бросает на меня взгляд, и ее подбородок дрожит.

– Да... но они ждут, когда я вернусь.

Она растягивает губы в сияющей, решительной улыбке, и эта маска делает все, чтобы скрыть блестящие в глазах боль и неуверенность.

– Как только я стану чиста, – заявляет Бритта, – я вернусь домой, в свою деревню. И тогда увижу своих ма и па и всех друзей.

Я молча киваю, не зная что сказать.

– Это хорошо. Хорошо иметь друзей.

– Нам нужно быть друзьями.

Бритта резко подается ближе, маска-улыбка отчаянно трещит по швам.

– Я знаю, ведь мы только встретились, – говорит Бритта, – и знаю, что после того что случилось, тебе трудно доверять кому-то, но путь до Хемайры далек, и я не хочу проделать его в одиночку. Ты единственная, кто понимает, каково это. Кто понимает...

Она протягивает руку.

– Друзья? – спрашивает Бритта, и ее лицо озаряют надеж-

да и страх.

Опускаю взгляд, рассматриваю предложенную ладонь. Друзья... Что, если она меня предаст, как все остальные? Как отец, Ионас, старейшины... Что, если она меня бросит? Но нет, Бритта не из тех, кто меня изгнал и пытал, она – алаки, первая и единственная, кого я встречала.

И она нуждается во мне так же сильно, как нуждаюсь в ней я.

– Друзья, – соглашаюсь я, пожимая ее руку.

Бритта сияет, нетерпеливо придвигаясь.

– Я так боюсь отправляться в Хемайру, становиться воином, – признается она, изливаясь потоком слов, будто всю неделю их копила, и наконец хлипкая плотина сдалась под их напором. – А теперь, когда мы есть друг у друга, может, все будет не так уж плохо. Вдруг, когда все кончится, ты даже поедешь со мной в мою деревню! Знаю, твоя-то была не лучшая... В общем, в Голме-то все дружелюбные, и у нас полно красивых мальчишек. Они, конечно, тогда будут уже совсем не те, но все равно найдется из кого выбрать! – Бритта смотрит на меня с любопытством. – А ты когда-нибудь целовалась с мальчиком, Дека?

– Что... я?! Нет, никогда!

Откуда вообще взялся такой вопрос? Я никогда ни с кем о подобном не говорила, но теперь, раз уж лед тронулся, Бритту уже ничего не смущает.

– А я – да, разок, на деревенском празднике. Гадость,

прям фу. У него изо рта пахло прокисшим молоком. – Она морщит нос. – А почему ты – нет? В смысле, не целовалась?

Я опускаю взгляд, внутри снова зреет то ужасное чувство.

– Никто никогда меня не хотел поцеловать, – шепчу я. – Да и старейшина Дуркас твердил, что поцелуи ведут к нечистоте, а я так отчаянно старалась остаться чистой... и посмотри, куда это меня привело.

Бритта хмурится.

– Чего это? Ты такая хорошенькая. – Она и впрямь искренне озадачена.

– Нет. – Я качаю головой, и в ней мелькают ужасные воспоминания – Ионас, улыбка на его лице, меч в его руке. Девушки, такие хорошенькие, как ты... какая это была ужасная ложь.

Их прерывает фыркание Бритты.

– А вот и хорошенькая, Дека, – говорит она. – Волосы красиво выются у лица, кожа вся такая гладенькая и смуглая, даже такой глубокой зимой. – И добавляет, словно ей приходит запоздалая мысль: – И есть за что подержаться! Мужчины любят фигуристых. И пухленьких. – Бритта усмехается. – Я вот им всегда по душе.

– Но южан же не любят... по крайней мере, в Ир-футе.

– Тогда, наверное, и хорошо, что мы отправляемся на юг, – похлопывает меня по руке Бритта, и корабль со скрипом приходит в движение.

Я киваю, вознося безмолвную молитву Ойомо: пусть это

окажется правдой.

6

– Дека, Дека, просыпайся. Ну просыпайся же! Мы на месте, на месте!

Голос Бритты звучит будто издалека, жара так душит, будто мне на грудь давит огромный валун. Остатки сна льнут к мыслям, тяжелые и настойчивые. Цепляюсь за них, но что-то теплое беспрерывно трясет меня за плечо.

– Встаю, – отрываюсь я и открываю глаза, сонно моргая.

К моему удивлению, свет вокруг совсем другой. Не холодный синий зимы, а теплый оранжевый глубокого лета. И что еще более странно – запахи моря теперь смешиваются с новым, экзотическим благоуханием. Цветы... но я еще никогда таких не нюхала. Нежный и тонкий аромат окутывает меня тонкими волнами.

Где же запах льда и снега? Где же холод?

Поворачиваюсь к Бритте, и в ее широко распахнутых глазах сияет облегчение.

– Почему так жарко? – хриплю я, сбита с толку.

Язык сух, словно стог сена в разгар лета, волосы и одежда, мокрые от пота, липнут к коже.

Бритта бросается, пытаясь крепко меня обнять.

– Думала, ты уже никогда не проснешься! Четыре недели уткло! Белорукая так и говорила, но целых четыре недели!..

– Четыре недели? – хмурюсь я, отстраняясь.

И когда мышцы на столь простое движение отзываются болью, я вздрагиваю, пораженная. Почему они так зажаты?

– В смысле, четыре недели?

– Ты проспала почти месяц, – доносится пояснение Белокурой, которая спокойно наблюдает за мной, прислонившись к стене.

Позади Белокурой, через дверь наверху лестницы, струится яркий и теплый солнечный свет, заливая мерцанием Брайму и Масайму, которые давным-давно избавились от тяжелых меховых плащей и сапог. Оба щеголяют по жаре с голой грудью, впиваясь когтями в деревянный пол. Вокруг эквусов жужжат мухи, которых те отгоняют взмахами хвоста.

– Месяц?! – эхом повторяю я, как громом пораженная.

– Плохая алаки, заставила друзей поволноваться, – цокает языком Масайма, качая головой.

– Но тихоня нуждалась в отдыхе, Масайма, – возражает Брайма, встряхивая черной гривой с единственной светлой прядью. – Сам бы так поступил, если б знал, что придется неделями путешествовать в мерзком, гадком трюме сразу после того, как жрецы держали тебя в мерзком, гадком подвале храма.

– Но я бы тебе сказал, что залягу надолго, Брайма, – фыркает Масайма.

Белокурой надоедает их пикировка. Женщина указывает эквусам на лестницу, которая заполняется людьми, стремящимися выбраться наружу.

– Наверх, оба, – командует Белорукая. – Подготовьте повозку.

– Да, моя госпожа, – в унисон отзываются эквусы, и тут же их когти застучали по деревянным ступенькам.

– Простите, я не знаю почему... и как я так долго проспала, – лепечу я, никак не приходя в себя, и поворачиваюсь к Белорукой: – Так и должно быть с алаки? Это нормально?

– Нет, – отвечает женщина. – Но тебе был нужен отдых. Сказываются испытания, которые тебе довелось пережить. Даже обычные люди, столкнувшись с подобным, лечат боль сном. И лучше сейчас, чем когда ты доберешься до Варту-Бера.

Я хмурюсь.

– Варту-Бера?

Впервые слышу эти слова.

– Учебный лагерь, куда нас с тобой прикрепили, – радостно поясняет Бритта, постукивая по древнему хемайранскому символу на своей печати. – Вот что он означает! Первейший среди лагерей!

Я в смятении морщу лоб. Зачем отправлять нас в первейший среди лагерей, когда мы еще не прошли никакой подготовки?

Не понимаю. Прямо сейчас я вообще ничего не могу понять. Вновь наплывает сон, в голову закрадывается смутное воспоминание. И улетучивается, когда Белорукая протягивает нам по палочке чего-то похожего на древесный уголь.

Сразу их узнаю: *тозали*. Мама каждый день подводила им глаза, чтобы защитить их от солнца.

– Натрите веки. Вам это понадобится. Через час мы выдвигаемся.

– Да, Белорукая, – отзываемся мы ей вслед.

Как только она скрывается из виду, мы с Бриттой наносим тозали с помощью маленького кувшина воды в качестве зеркала. Мои руки дрожат. Мышцы так ослабели, что скрипят от напряжения и боли при каждом малейшем движении, пока я натираю веки. Когда я начинаю собирать то, что осталось от моих пожитков, становится еще хуже. Когда я в последний раз ела?

И как же я могла проспать так долго? И почему? Все конечности жесткие, непослушные – новые – такие, какими они были всякий раз, когда я пробуждалась от золоченого сна. Хуже того, где-то глубоко внутри меня поселилось странное чувство, будто что-то меняется... зреет... не могу избавиться от ощущения, что каким-то пока непонятным мне образом я становлюсь другой.

Бритта все это время с озадаченным выражением глаз наблюдает за мной.

– Что такое? – спрашиваю я сквозь лихорадочную круговерть мыслей.

– Ты ничего не ела, но почему ты живая? – шепчет Бритта. Бросаю на нее испуганный взгляд, и она поясняет:

– Ни крошки еды, ни капельки воды. Мне приходилось

съесть все за тебя, чтобы остальные люди не заметили, что ты спишь все путешествие. Я им сказала, мол, ты болеешь, вот и не шевелишься, не говоришь. Но они начали бы спрашивать, почему ты не ешь. Вот я и кушала за тебя. Ну. Я знаю, ты странная, но это... – Бритта понижает голос до шепота: – Это противоестественно, Дека.

Противоестественно... И снова это слово.

Знаю, Бритта не хотела меня задеть, но оно ранит. Хуже того, это слово – чистая правда. Я не чувствую голода, совсем. Он исчез, забился куда-то, где я не могу его отыскать. Печально пожимаю плечами, стараясь отогнать ужасные чувства, что поднимаются волной изнутри, страхи перед новым, тревожным признаком нечистоты.

– Не знаю. Такого со мной никогда не случилось. Наверное, все как говорит Белорукая, я пыталась «заспать» то, что было в подвале...

– А сейчас ты голодная? – быстро спрашивает Бритта.

Перебивает, чтобы мне не пришлось договаривать сокрушающие меня слова. Я с благодарностью киваю:

– Думаю, можно поесть.

Бритта тут же хватает меня под руку, одаривает лучезарной улыбкой.

– Давай-ка тебя накормим, пока желудок северную джигу не завел, – говорит она и тащит меня вверх по ступеням.

Мы выходим на солнечный свет, столь ослепительный, что мне приходится прикрыть глаза ладонью. На пристани всюду

толпятся люди, их голоса огромной звуковой волной несутся с каждого корабля, улицы, прилавка. Слишком много людей, слишком много звуков... Мне приходится бороться с желанием заткнуть уши.

– Ойомо, сохрани! – восклицает Бритта, разинув рот. – Ты хоть раз в жизни видела столько народу?!

Я качаю головой, утратив дар речи, а Бритта уже машет на прощание морякам и другим пассажирам. К моему удивлению, они весело машут в ответ.

– Всех благ в пути, Бритта! – отзывается старый седой моряк.

Бритта сияет.

– И тебе в новом плавании, Кельма!

Замечая мой взгляд, Бритта пожимает плечами.

– Мы стали друзьями, – объясняет она, затем наклоняется ближе и шепчет: – Они во время путешествия всякое рассказывали мне. На Хемайру нападают смертовизги! Каждую ночь несколько чудовищ проскальзывают в город, и никто не знает как.

Я широко распахиваю глаза. Смертовизги в столице? Как это вообще возможно? Говорят, что стены Хемайры неприступны, что сам город превращен в обнесенный стенами сад, не боящийся осады. А эти существа уже здесь, так близко... содрогаюсь я от одной мысли.

– А что они рассказывают о нас, алаки? – спрашиваю я.

Бритта снова пожимает плечами.

– Народ о нас пока не знает. Только жрецы и старейшины. Но, с другой стороны, они-то всегда знали.

С горечью киваю, краем глаза отмечаю движение: Белорукая нас подзывает с пристани, где Брайма и Масайма уже впрягаются в ее повозку.

– Скорей, скорей, Тихоня, – зовет Брайма. – День убывает все быстрее.

Послушно ускоряю шаг, остро ощущая, как люди бросают на нас с Бриттой любопытные взгляды. Мы – две девушки без масок, подходящего для Ритуала возраста, без сопровождающего нас мужчины. Вот-вот кто-нибудь остановит нас. Думаю об этом – и от толпы сразу же отделяется пухлый, благочестивого вида мужчина с цветистым свитком Безграничных Мудростей под мышкой и с суровым выражением лица направляется к нам. Прежде чем ему удастся нас настигнуть, путь ему плавно перерезает Белорукая.

– Пойдемте, девочки, – громко объявляет она. – Хемайра ждет, как и ваша служба нашей великой империи.

С пояса женщины недвусмысленно свисает императорская печать.

Мужчина бросает на нее взгляд, потом переводит его на нас. Шипит себе под нос о нечестивых женщинах и с отвращением уходит.

– Ненавижу напыщенных, самодовольных докучал, а вы? – фыркает Белорукая и, не дожидаясь ответа, указывает вверх: – Узрите. Врата Хемайры.

Следую взглядом за ее ладонью, и у меня отвисает челюсть: над пристанью возвышаются исполинские стены, каждые из врат охраняют двойные статуи воинов. Так вот какие они, эти стены Хемайры, о которых мне всегда рассказывал отец.

Отец...

Я гоню от себя эту мысль, сосредотачиваясь на созерцании. Стен всего три. Три стены и трое врат. Почему? Поворачиваюсь к Белорукой, чтобы спросить, но та уже кивает на ближайший и самый крупный вход, украшенный парой статуй одного и того же сурового воина с короной на голове.

– Мы направляемся к вратам Эмеки.

Император Эмека, первый правитель Отеры – я сразу узнаю его. Высокий и темноволосый, коротко стриженный, но с длинной бородой. Его изображение запечатлено в каждом храме и зале. Эти жесткие глаза, раздувающиеся ноздри, плотно сжатые губы ни с чем не спутать, как и статуи, что вздымаются над нами теперь, их мечи отбрасывают на толпу внизу широченные тени.

Смотрю на них, запрокинув голову; меня пронзают страх, тревога.

– Ну, вот мы и пришли, – шепчу я, собираясь с духом и делая глубокий вздох.

– Вот мы и здесь, – соглашается Бритта с таким же вздохом. Она еще бледнее, чем обычно, на губах ни следа улыбки.

Легонько, на пробу, задевает мою ладонь своей, и я ее сжимаю, напряженно кивнув. Бритте не нужно говорить, о чем она думает, я и так понимаю. Мы все переживем – вместе.

* * *

Белорукая ведет нас напрямиком к воротам Эмеки, откуда в город уже вливается река людей и животных. Жители запада, востока, юга, севера – все теснятся с лошадьми, верблюдами и другими, более экзотическими зверями, которых я узнаю лишь по свиткам отца. Здесь тянут колесницы орриллионы – неповоротливые обезьяны с серебристым мехом и странно похожими на человеческие лица мордами; их острые рога притуплены изогнутыми золотыми наконечниками. Впереди караванов тяжелой поступью шагают мамунты, из-под длинных гибких хоботов торчат многочисленные бивни, из огромных кожистых серых спин торчат шипы цвета кости, их еще больше на закругленных концах хвостов. На великанах в маленьких шатрах восседают хозяева караванов и трубят в рог, возвещая о своем приближении.

Мне вдруг хочется, чтобы рядом оказалась мама. Она всегда рассказывала мне о южных провинциях. И хотя она никогда не жалела, что их покинула, чтобы выйти замуж за моего отца, она все же скучала по родным краям. Ей очень хотелось, чтобы я однажды увидела их. Увидела другую сторо-

ну своей родословной.

Она бы никогда не смогла представить, что я прибуду сюда как воин-новобранец.

Бритта тычет на охраняющую врата императорскую стражу:

– Ты только глянь на всех этих джату, Дека! – разевает она рот.

В отличие от тех, кого мы видели на севере, эти облачены не в доспехи и боевые маски, но в великолепные алые одежды. Джату распределяют очереди путешественников и тщательно проверяют их бумаги. У всех воинов на плечах приколот знак джату, золотой лев на фоне восходящего солнца.

– Выглядят очень парадно, – отвечаю я, и от беспокойства по коже пробегают мурашки.

От джату меня отвлекает вспышка синего цвета. Мимо с грохотом проносится карета, запряженная двумя крылатыми, ящероподобными существами. Они издают странный гортанный клекот.

– Зеризарды! – охаю я от восторга.

Еще одни создания, о которых мне рассказывала мама. Они встречаются только на юге, где теплое солнце и бескрайние леса. Я шурюсь, пытаюсь рассмотреть их оперенные синие хвосты, ярко-красные перья, венчающие голову.

– Мама любила на них кататься, когда была маленькой, – говорю я.

– Они прекрасны, – с благоговением отзывается Бритта.

Брайма фыркает, встряхивая черной гривой волос.

– Не так уж они впечатляющи по сравнению с нами, правда, Масайма?

– Уж конечно, – соглашается тот.

– Вы оба тоже очень красивы, – утешаю я их.

Близнецы-эквусы, недовольно топая, уводят нашу повозку от главных ворот к небольшому боковому входу, где уже собирается вереница зловещего вида других эквусов. Их погонщики одеты в черные плащи, подобно Белорукой, а их лица скрыты плотными капюшонами. От вида дверей и окон с железными решетками кровь у меня в венах ускоряет бег. Наверняка в них перевозят других алаки. Каждая, судя по размеру, вместит, по меньшей мере, шестерых.

Бритта тревожно ерзает.

– Это остальные, да?

– Скорее всего, – отвечаю я, почти физически ощущая исходящее от тех повозок отчаяние.

Бритта протягивает руку, я крепко сжимаю ее. Мы храним молчание, пока Белорукая направляет повозку к началу вереницы, где двое джату играют в *оваре*, южную настольную игру, которую любила мама. Заметив Белорукую, они вмиг вытягиваются по стойке «смирно».

– Госпожа! – салютуют они и бросаются открывать узкие ворота.

К моему удивлению, они оба говорят на отеранском, а не хемайранском. Но, с другой стороны, хемайранский – это

язык знати, аристократии, язык, на котором написаны Безграничные Мудрости. Я понимаю этот язык потому, что отец моего отца заставил всех в семье заучить Безграничные Мудрости наизусть, в покаяние за нашу давнюю нечистоту. Не знаю, почему я ждала, что на этом языке заговорят обычные джату.

Ворота открываются с тихим скрипом, и я обращаю внимание на дорогу. И раскрываю глаза так, что они чуть не вылезают из орбит.

Там, сразу за створками ворот, лежит огромное, мерцающее до самого горизонта озеро. Из его середины поднимается город, череда пышущих зеленью холмов, соединенных высокими арками деревянных мостов. Город, словно улочки, прорезают реки и водопады, по ним скользят весело раскрашенные лодки с вышитыми зонтами, что защищают людей, сидящих в них, от палящего солнца.

– Ойомо, сохрани, – выдыхает Бритта, глаза на все эти чудеса. – Ты когда-нибудь такое видела?!

Я качаю головой, не в силах ответить вслух, и замечаю кое-что еще: величественное здание, что венчает самый высокий холм Хемайры, словно зубчатая корона. Я встретила его на каждой отеранской монете. Око Ойомо, древний дворец хемайранских императоров. Многочисленные шпили украшает куру, священный символ солнца Ойомо, а внизу, среди холмов, ютятся группки построек поменьше, палаты правления. Я сразу же узнаю их по каждому описанию сто-

лицы, которое когда-либо встречала.

Все такое потрясающее, такое... очень... не могу даже целиком осознать. Вот какая она, Хемайра, Город Императоров.

– Осторожно, рот лучше закрыть, пока мухи не залетели, – смеется над моим изумлением Белорукая, пока эквусы радостным галопом несут нас по оживленным улицам.

– Хорошо быть дома, брат, – сияет Масайма.

– И никаких больше колючих мехов и холодов, брат, – соглашается Брайма.

Чем дальше мы углубляемся в город, тем более многолюдным он становится. Экипажи, запряженные зеризардами и эквусами, стараются отвоевать побольше пространства. По тротуарам прогуливаются пешие, в основном это мужчины, и все они ухожены и роскошно одеты, в уложенных бородах блестят драгоценные камни, вокруг глаз выются сложными узорами линии тозали.

Редкие женщины здесь носят маски еще более искусные, чем на севере, на каждом лице вместо дерева и пергамента сияют золото и серебро. Встречается несколько вариантов: круглая маска-солнце, прославляющая Ойомо; серебряная маска плодовитости с раздутыми, как у полной луны, щеками; овальные маски, призывающие удачу, с вышитыми бисером символами, что приносят благословения, на лбу и подбородке; церемонные черные, с изгибающимися на гладком обсидиановом лбу рожками.

Даже некоторые маленькие девочки носят полумаски, отраженное в золоте и серебре богатство их семей. Всякий раз, как я их вижу, чувствую укол печали. Теперь я никогда не надену маску, никогда не облачусь в священные покровы чистоты.

Мысль улетучивается, когда мое внимание привлекает кое-что еще: глухой, почти неразличимый гул, который становится громче, по мере нашего приближения к центральным мостам. Когда мы достигаем того, массивного, что ведет к холму, где стоит дворец, гул превращается в рев, который отдается у меня в самих костях.

– Слышишь? – спрашиваю я Бритту.

Она кивает, в замешательстве нахмутив брови.

– Как думаешь, что это?

– Слезы Эмеки, – отвечает Белорукая, поворачиваясь к нам.

Я тоже хмурюсь.

– Слезы Эмеки?

Белорукая указывает, и я следую взглядом за ее пальцем к бреши в городских стенах, где возвышается единственная статуя, на этот раз женская.

– Продолжайте наблюдать, – командует Белорукая, направляя эквусов к самой высокой части моста.

И стоит нам ее достигнуть, как у меня перехватывает дыхание. Там, на самом краю города, в Бескрайнее море извергается огромный водопад. Теперь я понимаю, почему Хемай-

ра обнесена лишь тремя стенами. Столица стоит на утесе, и водопад – непреодолимая преграда для любой силы, жаждущей напасть с моря. Статуя над ним, женщина с тугими завитками кудрей и худым, но жилистым телом, возвышается из края водопада и пристально смотрит на воду, вытянув к горизонту длань в предупреждении.

– Фату Неумолимая, мать первого императора и хранительница вод вокруг Хемайры, – пробиваются сквозь пелену моего благоговения слова Белорукой.

И в них сквозит некое чувство, которое я не понимаю. Печаль? Сожаление?

– Подходящее зрелище для завершения вашего путешествия. Теперь – в Зал Джор, – указывает Белорукая на палаты у подножья дворца. – Приготовьтесь.

Я киваю, и тревога скручивается в груди узлом. Эквусы неумолимо движутся вперед, стуча когтями по главному мосту. Над нами, безмолвно осуждая, нависает Око Ойомо. Наше путешествие вот-вот закончится. И скоро начнется наша новая жизнь.

* * *

Когда мы добираемся до палат, страх коброй сворачивается у меня внутри. Я почти не замечаю, насколько ровные здесь улицы, насколько пышные здесь сады, льнущие к величественным, высоким зданиям, почти таким же древним,

как сама Отера. Все, о чем я могу думать, – это о грядущих переменах. Что же меня ждет в Хемайре? Будет ли все так, как обещала Белорукая? Останется ли в силе хоть одно ее слово? Семена сомнений никуда не ушли, каждый раз в присутствии Белорукой у меня по коже бегут мурашки.

Пожалуйста, пусть все сбудется, мысленно молюсь я. Мы приближаемся к огромному красному зданию, на знаменах которого отчетливо виден знак джату. Зал Джор, палата джату. Отец так часто о нем упоминал в рассказах о своей службе в армии, что я узнаю его с первого взгляда. Вдоль него тянутся вереницы девушек, они источают знакомый едкий, неприятный запах – вонь немых тел.

И я даже без вопросов понимаю: это алаки. Чувствую ту же дрожь, что и при встрече с Бриттой.

Чем ближе мы подъезжаем, тем сильнее меня мутит.

Все остальные алаки болезненно худы, их одежда порвана и грязна, ноги босы и покрыты струпьями. Ни на одном лице нет маски, ни одной не позволено скрыть плащом или капюшоном девичью честь от дюжих, облаченных в черное стражников, которые с похотливыми ухмылками проверяют печати и направляют несчастных в разные шеренги. Есть раненые, истекающие кровью, с иссеченными белыми полосами шрамов руками и плечами. Эти девушки еще не умирали – по крайней мере, недавно. Иначе золоченый сон исцелил бы все без следа.

Но, с другой стороны, физическая смерть – не самое худ-

шее, что может случиться с алаки. Вижу, что они все сильно пострадали, по затравленному выражению глаз девушек, по тому, как они не сопротивляются, когда их грубо высаживают из повозок, где они теснятся иногда по семь-восемь душ. Даже когда стражники подталкивают их к Залу Джор, знамена которого зловеще хлопают на ветру, большинство девушек не издают ни звука. Какими же способами их держали в узде другие провожатые? Стоит только подумать об этом, как тело пробирает дрожь.

Слава Ойомо, что нам досталась Белорукая. Удивительная, но все же правдивая мысль. Несмотря на все мои сомнения, самое большее, что Белорукая делала за все наше путешествие, – это запирала повозку на ночь, чтобы мы не сбежали. Она никогда не била нас и не издевалась, не осыпала бранью, хотя подозреваю, что с остальными девчонками случилось и это, и многое другое.

С растущим беспокойством жду; Белорукая останавливает повозку перед залом, затем обходит ее и открывает дверь.

– Здесь наши пути расходятся, алаки, – говорит Белорукая, жестом приказывая нам выходить.

Делаю это осторожно, крепко обхватив себя руками. Теперь внимание стражи устремлено на нас, хмурые взгляды обжигают мне плечи. Вдруг остро жалею, что у меня нет старого плаща, который я оставила в Ирфуте. Пусть потрепанный и потертый, он всегда защищал меня от взглядов, давал ощутить себя в безопасности. Здесь же я лишена тако-

го покрыва – даже полумаски, которую, как воображала, уже должна была носить.

Ковыляю к передней части повозки, живот сводит, ладони вспотели. Ко мне со скорбными лицами поворачиваются близнецы-эквусы.

– Пора прощаться, алаки, – надувает губы Брайма.

– Все зимние яблоки, которыми ты нас угощала, были вкусные, Тихоня, – добавляет Масайма. – Прямо-таки дивными.

– В следующую нашу встречу я снова накормлю вас яблоками, – мягко говорю я, поглаживая обоих.

Эквусы кивают, и я поворачиваюсь к Белорукой. Уголок ее рта как обычно приподнят, глаза не видны из-под полумаски. В ее взгляде мне чудится почти... сожаление, хотя я не понимаю, откуда ему взяться. По коже снова пробегает волна мурашек. О чем же эта женщина сожалеет?

– Белорукая, я...

– Теперь я должна вас покинуть, – прервав меня жестом, произносит она и переводит взгляд с меня на Бритту. – Не делайте глупостей, это уберезет вас от слишком частых смертей.

Мы обе молча киваем. Она протягивает ладонь, пожимает нам руки, вдруг проявляя этим небывалую за весь наш долгий путь теплоту. И от этого страх разгорается еще сильнее. Я стараюсь его подавить, пока Белорукая продолжает:

– Помните, будет тяжело, но вы все преодолеете. Пусть

судьба укажет вам путь, – шепчет она.

– Желаю вам того же, – отвечаю я, но она уже уходит к повозке и направляет ее прочь.

Брайма и Масайма машут нам на прощание, и когда они исчезают из виду, страх внутри меня сжимается тугой пружиной и ускоряет сердцебиение.

Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне вынести то, что ждет дальше.

– Они же ранены, правда? Те девчонки? – спрашивает Бритта несколько минут спустя.

Я не отвечаю, мышцы слишком напряжены, чтобы даже говорить. Мы идем по темным, гулким коридорам Зала Джор. Каждый ведет в помещение, предназначенное для своего лагеря, обучающего алаки. Судя по количеству верениц из девушек, этих помещений – десять.

Мы с Бриттой идем в ногу с теми, кто направляется в помещение для Варту-Бера, лагеря, о котором сказала нам Белорукая. Остальные жмутся друг к другу, некоторые тихо всхлипывают, другие с каждым шагом все сильнее дрожат. Они боятся джату, патрулирующих коридоры, тех, у кого на плечах поблескивают звезды ансефы. Белорукая предупредила меня и Бритту об этих джату – велела быть с ними осторожнее. Их обучали усмирять как смертовизгов, так и алаки, и потому они намного более жестоки, чем собратья по оружию. Они и есть причина, по которой вокруг нас все усиливался запах пота и страха.

Скажем, одна из причин.

Другая – девушки в рванье, с затуманенными глазами, которые шаркают рядом, медленно и скованно, словно из тела вырвали душу.

Я узнаю этот взгляд, сгорбленную позу.

Видела иногда среди храмовых дев старейшины Дуркаса. Их отличает то, что все сразу понимают: они больше не девы. Я в который раз благодарна за нашу Белорукую. Что бы с нами случилось, сопровождай нас мужчина? Содрогаюсь от мысли о цене, которую некоторые девушки уже заплатили, дабы заслужить отпущение грехов.

– Дека, – напоминает о себе Бритта, мельком оглядывая девушек с пустыми глазами.

– Они пострадали сильнее, чем мы можем себе представить, – наконец отвечаю я с мрачным выражением лица.

Бритта бросает на меня полный слез взгляд.

– Нам повезло, да?

Сжимаю ее руку.

– И до сих пор везет, – твердо шепчу. – Мы есть друг у друга.

И я правда так думаю. Мне везет, что рядом со мной Бритта, еще кто-то, с кем можно это пережить.

Она кивает, и мы подходим к двойным дверям в конце коридора.

Зал, в который мы входим, настолько огромен, что почти не видно противоположной стены. Стены и пол из блестящего черного камня богато украшены золотой резьбой. Я изо всех сил стараюсь закрыть рот, в таком я благоговейном трепете. Прежде я видела черный камень лишь в храме Ирфута, и его хватило лишь на украшение алтаря. А здесь его столько, что все до единой семьи в Ирфуте могли кормиться

в течение тысячи лет, если не больше.

А что пугает еще сильнее – так это стоящие в ряд юноши, все в доспехах и боевых масках.

Чуть не спотыкаюсь от одного их вида.

Юношей около сотни, примерно столько же, сколько нас, алаки, и они стоят по стойке «смирно», с прямой спиной, с рукой на сердце. Всем им примерно от шестнадцати до двадцати, все они кажутся суровыми и неприступными, под боевыми масками в глазах плещется отвращение.

Мое сердце срывается в неистовый, полный страха ритм. Едва сдерживаю желание обхватить себя руками.

– Что это? Почему они здесь? – спрашивает Бритта, нервно придвигаясь ближе.

Я качаю головой:

– Не знаю.

Я так нервничаю при виде этих юношей, что не сразу замечаю помосты. Их десять, они возвышаются над нами, крепкие и внушительные, и к каждому с двух сторон ведут ступеньки. На восьми помостах сидят чиновники, разложив желтые мантии, со свитками и чернильницами под рукой. Центральные два, однако, занимают командиры джату, оба темноволосые и в боевых масках. Мой взгляд тут же приковывает к себе тот, что слева. И дело не только в его волосах, заплетенных в замысловатую косу и уложенных ярко-красной глиной, но в его телосложении, более миниатюрном, изящном, несмотря на мускулистость.

Он кажется почти... женщиной, но этого не может быть. Женщинам запрещено командовать джату.

– Выровнять строй! – рявкает рядом с нами стражник, отчего я, вздрогнув, отрываюсь от созерцания.

Он толкает девушку впереди меня, и по залу вдруг эхом разносится злой крик:

– Убери от меня грязные лапы!

Он доносится из конца зала, где высокая худая девчонка бьется в руках аж четверых провожатых, не меньше. Она дергается так яростно, что несколько мужчин отлетают в стену. Я тру глаза, моргаю снова и снова, чтобы убедиться, что они меня не обманывают. Девчонка стряхнула провожатых, как жалких блох! Такого я никогда не видела, даже у мужчин. Неужели это та самая сила алаки, о которой рассказывала Белорукая, та самая сила, которая позволяла мне во сне разрывать в клочья меховые одеяла?

Когда девчонка выхватывает у провожатого меч и угрожающе им взмахивает, к ним бегут со вскинутыми копьями несколько джату. В считанные мгновения они окружают бунтарку, острые наконечники устремляются ей в горло.

– Отпустить!

Все, и я в том числе, оборачиваются на внезапный и властный окрик. Из строя вперед выходит и направляется к гордой девчонке высокий, мускулистый юноша, каждый его шаг размерен, обдуман.

– Она – солдат в войне против смертовизгов, – заявляет

юноша, отрывисто и четко, как тот, кто больше привык говорить на хемайранском, нежели на отеранском. – И у солдат есть права.

Права? Слово кружится у меня в голове, яркое и невероятное. Права – прерогатива мужчин и юношей, а не женщин, и уж никак не алаки. И все равно, слово расцветает для меня далекой надеждой, к которой страшно даже прикоснуться.

– Разве это не так, капитан Келечи? – Юноша смотрит на более высокого командира.

К моему удивлению, командир кивает.

– Верно, новобранец Кейта, – отвечает он. – У каждого здесь есть права, хотя некоторые присутствующие все же пытаются выйти с ними за рамки приличия.

Командир бросает неодобрительный взгляд на бунтарку, и та с отвращением сплевывает на пол. Издав неодобрительный звук, командир жестом приказывает юноше по имени Кейта продолжать.

– Ознакомь ее с правами новобранца императорской армии, новобранец Кейта.

– Есть.

Кейта идет к бунтарке, на ходу снимая шлем и боевую маску. С изумлением вижу, что он темнокож, как я, даже темнее, а его глаза золотистые и цепкие, как у ястреба. Он так коротко острижен, что кажется почти лысым. Ему около шестнадцати, но во взгляде такая твердость, что говорит о зрелости.

Кто такой этот Кейта, что он так хорошо знает командира?

Даже доспехи его выделяются на фоне остальных джату более богатыми украшениями. Отец однажды рассказал мне, что на доспех каждого джату нанесены хемайранские символы, прославляющие давние битвы, славные победы. У Кейты этих символов гораздо больше, чем у любого джату, которого я когда-либо видела, и по эмблеме с оскаленным орриллионом на каждом плече.

Возможно, это семейная реликвия, что досталась ему от отца или дяди. У аристократии передаются несколько таких предметов. В любом случае, он явно стоит выше остальных джату. Богаче, несомненно. Должно быть, он из хемайранских благородных, о которых я столько всего слышала. Это объяснило бы такое близкое знакомство с командиром, а также легкость, с которой юноша говорил без разрешения.

Когда он приближается, бунтарка недоверчиво кривит гордое, утонченное лицо.

– Больше ни шагу! – щерится она, и красно-коричневую кожу заливают румянец гнева. – Хватит с меня вашей лжи! Солдаты императорской армии? Отпущение грехов? Ложь, все ложь! Вам только и надо, чтобы наша кровь здесь по полу потекла рекой, чтоб потом ее продавать, никчемные ублюдки! – Она тычет в юношу мечом.

Кейта поднимает руки в умиротворяющем жесте.

– Это была правда. Ты вольна поступить, как тебе хочется, – произносит юноша и окидывает взглядом остальных де-

вушек. – Вы все вольны. Пожелаете уйти – уходите.

В воздух тут же взвиваются шепотки, неуверенные, но полные надежды.

Бритта переступает с ноги на ногу.

– Думаешь, он это взаправду?

На один краткий, потрясающий миг я позволяю себе поверить в Кейту, в его слова. Потом вспоминаю Ионаса, как он вонзил меч мне в живот всего через несколько часов после того, как говорил, какая я красивая.

Тело снова сковывает напряжение.

Когда настанет час, Кейта сделает то же самое. Неважно, что он делает сейчас, довольно скоро он покажет истинное лицо. Как и все они.

– Нет, – качаю я головой.

Поникшим взглядом слежу, как остальные джату с возмущением поворачиваются к командирам.

– Капитан Келечи! – задыхается один джату.

– Вы же этого так не оставите! – умоляет другой.

Высокий командир поднимает руку, призывая к тишине.

– Новобранец Кейта прав! – гремит он. – Либо алаки хочет быть здесь, либо нет. Не желающий воевать солдат бесполезен. Вы все вольны уйти, но помните, что вы нечисты, и внешний мир будет видеть в вас только это. Не говоря уже о том, что где бы вы ни прятались, за вами придут смерто-визги.

По его кивку джату неохотно распахивают двери.

Мы с Бриттой застываем. Остальные девчонки перешептываются, не зная что делать. Кейта вновь делает шаг вперед.

– Мы обеспечим безопасный выход за пределы Хемайры, – говорит он. – А после – все зависит лишь от тебя, – многозначительно смотрит он на бунтарку, и вся надежда, которая у меня была, рассыпается пеплом, и я чувствую на языке горечь.

Вот оно, условие. Да, мы можем отсюда сбежать, но как только ступим за ворота Хемайры, нас ждет прежняя жизнь. Право казни, постоянная угроза попасться смертовизгам... Кейта точно такой же, как и все, он дает нам варианты и предлагает выбирать из них.

Бунтарка это, похоже, понимает, потому что переводит взгляд с открытой двери на юношу.

– Вы даете нам слово? – недоверчиво спрашивает она и смотрит уже на командира, который кивает.

– Клянусь священным куру Ойомо, – отвечает Кейта. – Однако скажу вот что: в тренировочном лагере вы можете чего-то добиться. Стать бойцом, а потом, когда все кончится, получить отпущение грехов. Или прожить до конца дней как изгой, в вечном страхе пред Правом казни. Истина проста: либо вы с нами, либо против нас. Выбор ваш.

Отвесив девчонке быстрый, короткий поклон, Кейта возвращается в строй. Радуюсь, что он ушел, злюсь на себя, что почти поверила их словам. Как я могла хоть на мгновение подумать, что он чем-то отличается от Ионаса и остальных?

Мое внимание возвращается к бунтарке, которая теперь стоит посреди зала, и ее взгляд помрачнел, потемнел. Она снова смотрит на дверь, затем на строй. Ее взор мечется между ними туда-сюда, туда-сюда. Вижу, как лихорадочно крутятся ее мысли, как ее разум производит те же расчеты, что и мой. Наконец она делает выбор. Расправляет плечи и подходит к своему строю, царственная, словно королева. Она остается. Медленно, но верно остальные девчонки следуют ее примеру, и я почти чувствую, как довольно улыбается Кейта.

8

Как только все девушки вновь занимают места в строю и все возвращается на круги своя, высокий командир подходит к краю своего помоста и снимает боевую маску. Его лицо одновременно надменно и властно, такое темное, едва ли не цвета полуночного неба, и суровое. Над острыми, словно ножи, скулами сверкают, пронзая нас, темные глаза.

– Я – капитан Келечи, командир джату, закрепленными за Варту-Бера, вашим священным тренировочным лагерем, – разносится по всему залу его голос. – Перед вами – самые недавние новобранцы Варту-Бера. – Келечи обводит жестом юношей, которые быстро снимают шлемы и маски. – Они здесь не только для того, чтобы служить вашими *уру́ни*, братьями по оружию. По завершении первых трех недель вашего обучения они присоединятся к вам и будут оказывать помощь на протяжении ближайших месяцев. Мы надеемся, что вы установите с ними прочную и глубокую связь, которая останется еще надолго после того, как вы покинете эти стены.

– Братья? – едва слышно шепчет Бритта, и тревога на ее лице – отражение моей собственной. Не могу представить ни одного из этих надменных юношей нашими братьями.

– Скорее шпионы, чтоб мы не забывались, – презрительно фыркает под нос девчонка с длинными косами.

Капитан продолжает, невзирая на нарастающие шепотки:

– Как вы все, без сомнения, знаете, смертовизги начали стекаться в свои первобытные гнездовья у гор Н'Ойю, сотнями тысяч.

– Сотнями тысяч... – эхом повторяет Бритта мои панические мысли.

Да, смертовизгов много, но я даже не представляла, каков истинный размах их числа.

– А чего вы, вероятно, не знаете – это то, что Хемайра лежит на их пути. Вот почему император Гизо постановил, что все алаки, даже новообращенные, должны раз в месяц выходить на вылазку как прореживать ряды противника, так и готовиться к грядущему походу. Вы должны изучить врага полностью, каждую его силу, каждую слабость, прежде чем встретиться с ним лицом к лицу на поле боя, и в этой задаче вам помогут новобранцы.

Шепот взрывается гулом. Раз в месяц на вылазку? Он что, всерьез говорит, что нам придется столкнуться со смертовизгами в диких землях?

В ужасе поворачиваюсь к Бритте, а капитан Келечи продолжает:

– Как только начнется обучение, вы столкнетесь с самыми страшными чудовищами во всей Отере, но вам не придется сражаться в одиночку. На каждом шагу вас будут сопровождать уруни. Даже во время вашей первоначальной подготовки они будут рядом, лишь по другую сторону стены, в ожи-

дании момента, когда смогут с вами воссоединиться, ваши братья по оружию.

Он подает знак новобранцам, и те, выстроившись в ровную линию за его спиной, вновь вытягиваются в струнку. Маленький командир, который все это время хранил молчание, жестом приказывает нам сделать то же самое. Мы справляемся не так быстро, с тычками со стороны джату, но уже через несколько мгновений замираем напротив так, что два командира тоже смотрят друг на друга.

Затем капитан и его молчаливый спутник снова подают знак, и новобранцы, сделав шаг в сторону, начинают медленно проходить мимо нашей шеренги.

Теперь я понимаю. Так между нами распределят новых «братьев» – каждой достанется тот, кто остановится рядом, когда капитан Келечи прикажет застыть.

С каждым шагом новобранцев мое сердце подскакивает к горлу. Пожалуйста, только не жестокий мальчик, только не тот, кто ненавидит алаки, безмолвно умоляю я Ойомо. В памяти вдруг вспыхивает лицо Ионаса, и я его отбрасываю, молясь еще усерднее. Прошу, прошу, прошу...

Процессия все продолжается, тянется будто бесконечно, новобранцы медленно и целенаправленно продвигаются к концу нашей шеренги. Мимо проходят юноши, высокие, низкие, пухлые, худощавые. Южане, северяне, выходцы с востока, с запада. Все с одинаковым неприветливым выражением лица, многие с едва скрываемой презрительной усмеш-

кой. Я так нервничаю, что вспотели ладони, а внутренности скрутило узлом. Я вдруг остро ощущаю, как убого выгляжу – вся растрепанная, в рваной одежде, лицо не скрыто маской.

Опускаю глаза и старательно разглядываю пол, не в силах больше смотреть. На мои молитвы не будет ответа. Юноши, похоже, так же не горят желанием быть здесь, как и мы, некоторые даже злятся, не хотят смотреть на наши лица. Могу только представить, что они думают, зная, что им придется работать с нечистыми девушками. С потомками демонов, настолько сильными, чтобы их разбросать, как та бунтарка.

Я продолжаю обливаться потом и смотреть в пол, пока не слышу команду:

– Стой!

Мгновение не могу поднять глаз. Что я там увижу? Отвращение? Страх? Я сглатываю ком, готовясь к разочарованию. И выпрямляюсь. К моему удивлению, передо мной стоит невысокий паренек с запада. Черные волосы, три вытатуированные линии от подбородка до губы. Когда юноша мне улыбается, в его карих глазах мерцают доброта и нежность, и от облегчения у меня по коже пробегают мурашки. Он не из тех страшных здоровяков. Честно говоря, если сощуриться, он даже смахивает на девчонку, с этими его длинными ресницами и застенчивой улыбкой. Улыбаюсь в ответ, и напряжение внутри разжимает тиски.

И тут капитан Келечи вновь командует:

– Новобранцы, шаг вперед – и повернуться к напарнице.

Шаг вперед?

Меня охватывает ужас, а юноша с запада печально пожимает плечами в знак извинения и подчиняется приказу, вставая напротив огненно-рыжей девушки. Я снова поднимаю глаза – и тону в захлестнувшем отчаянии. На меня сверху вниз смотрят суровые золотые глаза. Новобранец Кейта. И он нависает прямо надо мной.

Я с трудом слышу капитана Келечи, с трудом слышу вообще что-либо, кроме лихорадочного биения собственного сердца.

– Представиться!

На лице Кейты не отражается ровным счетом ничего.

– Я – Кейта, – произносит он. – Кейта из Гар-Фату.

Вся моя выдержка уходит на то, чтобы продолжать на него смотреть, а не опускать голову от стыда. Наконец вымучиваю ответ:

– Дека из Ирфута, – бормочу я.

Он кивает.

Капитан Келечи и его напарник тоже стоят лицом друг к другу.

– Протянуть руку, – приказывает он, протягивая ладонь второму, молчаливому, командиру, который все еще в маске.

Я как никогда уверена, что это женщина. Все мужчины уже сняли маски.

Она обхватывает его предплечье, он делает то же самое, в непристойном подобии брачного ритуала.

– Пожмите руки в знак содружества.

Я и Кейта смотрим друг на друга и повторяем за командующими.

Я дрожу. Его ладонь теплая, мозолистая... умелые руки, руки меченосца. Такими руками Ионас вонзил мне в живот клинок. Это воспоминание так потрясает меня, что я едва заставляю себя не отдернуть руку. Смотрю в глаза Кейты, пытаюсь преодолеть страх.

К моему удивлению, он отводит взгляд в сторону, но потом замечает, как я таращусь. На его лице застывает холодное выражение. Хватка на моей руке ослабевает.

Я почти благодарна капитану Келечи, когда он опять заговаривает.

– Отныне и до самой смерти вы связаны, – объявляет он. – Братья и сестры по оружию. Уруни.

От этих слов по моей спине пробегают мурашки. Как будто... дурное предчувствие... Когда я вновь поднимаю взгляд, лицо Кейты еще мрачней, еще суровей прежнего. Я едва дышу, едва могу стоять так близко к этому юноше, который теперь будет моей ниточкой, связывающей меня с нормальным миром. Миром, частью которого я уже не уверена, что хочу стать. Миром, который определенно не желает иметь ничего общего со мной.

– Рада встрече, Кейта, – бормочу я, силясь прогнать беспокойство прочь.

Юноша резко кивает.

– Рад встрече, Дека из Ирфута, – отвечает он.
И отпускает мою руку.

* * *

На этом церемония подходит к концу. Юноши вереницей покидают зал, за ними следом уходят командиры, а к нам возвращаются провожатые. Все происходит так быстро, что я с трудом отмечаю, как оба пустующих помоста занимают чиновники в желтых мантиях, как мы снова выстраиваемся шеренгой, на этот раз перед помостами. Теперь начинается зачисление как таковое. Девушки подходят к чиновникам, те их осматривают и записывают в свитки с помощью облаченных в коричневые одежды подручных, снующих туда-сюда, как муравьи. Первая в моей шеренге девчонка – хрупкая, болезненного вида южанка – тихо плачет, пока подручные тыкают ее и ощупывают, громко называя результаты.

– Рост – пять дланей, три узла. Сильно истощена. Первичные признаки цинги.

Хмурюсь, меж бровей залегает морщинка. Истощена? Как так вышло, что она истощена, а я, проспав несколько недель на корабле, – нет? Противоестественно... раздается в моей голове шепоток, прогоняя все мысли о Кейте и о том, как он холодно взирал на меня сверху вниз. Я закрываюсь от наступающих меня страхов, пытаюсь найти объяснение нашим отличиям. Может быть, некоторые алаки более бо-

лезненны, а другие, как я, просто-напросто от природы здоровее. Есть же множество вполне логичных разгадок.

Провожатый девушки, коренастый бородач, раздражается громкими возмущениями, когда ему выдают лишь полмешочка золота.

– За каждую девку мне обещали шестьдесят ота! Шестидесят! – брызжет он слюной.

– Эта – хилая и недокормленная, – громко и неумолимо отвечает подручный. – Тебя предупреждали не обращаться дурно с собственностью императора.

Собственность императора... Меня захлестывает волна отвращения. А я-то думала, что мы должны быть воинами.

К этому моменту все проводимые уже в середине зала – кроме Белорукой, и не то чтобы я была удивлена ее отсутствием. Вряд ли ей так нужно золото, которое здесь раздают за услуги. Наше путешествие казалось для нее скорее развлечением. И я не в первый раз задаюсь вопросом, кто же она такая и почему отправилась в такой путь ради будто бы забавы.

Пока я кручу в голове этот вопрос, в нос вдруг бьет жуткий запах гари. Давлюсь тошнотой, что тут же подкатывает к горлу, на поверхность всплывают страшные воспоминания. Раздаются отчаянные крики, я рывком разворачиваюсь в их сторону, напряженная, как пружина.

Помощник чиновника окунает руки рыжеволосой в глубокую чашу с чем-то похожим на жидкое золото.

Проклятое золото, наша кровь.

Слюна становится кислой, рвота подступает все сильнее, но я сглатываю, глядя на девушку, что теперь безудержно рыдает, уставившись на свои руки. Теперь они покрыты золотом от кончиков пальцев до локтя. Как будто она, умерев, наполовину погрузилась в золоченый сон. От этой мысли у меня по спине стекают тоненькие ручейки пота.

Больно не будет, подбадриваю я себя, когда очередь немного подвигается вперед. Просто немного пожжет. Самую капельку. Но я знаю, что это неправда. Вонь гари усиливается, яркая и бьющая по чувствам сильнее, чем та, что терзает меня в воспоминаниях. Что-то не так с этим проклятым золотом, в него что-то добавили, чтобы оно липло к коже алаки.

Раздаются новые крики, мое зрение туманится. Душа уходит в пятки, все тело на грани.

– Дека, дыши. Дека! – будто издалека доносится голос Бритты.

Меня обнимают мягкие руки. Тепло.

– Я здесь, Дека, – шепчет ее голос. – Со мной ты в безопасности.

В безопасности...

Не сразу, но все-таки делаю прерывистый вдох и с трудом киваю.

– Все в порядке, – хриплю я.

Сглатываю тошноту и расправляю спину как раз вovre-

мя, чтобы увидеть, как подручный позолотил девушку передо мной. Она прижимает к себе руки, на коже блестит золото. У меня дрожат пальцы. Я следующая.

Восточный чиновник, восседающий надо мной, в тусклом свете кажется бледным и пугающим.

– Шагни вперед, дитя, – манит он, властным жестом поправляя очки.

Делаю как велено, и он поворачивается к помощнику:

– Имя?

– Дека из Ирфута, – послушно зачитывает тот.

– Ты здесь по своей воле? – спрашивает чиновник.

– Да, – шепчу.

На другом конце зала воет очередная девушка, чьи руки опускают в чашу. Снова в нос ударяет запах горячей плоти, снова вскидывается внутри меня страх.

– Громче.

– Да, по своей воле, – отвечаю я.

Стараюсь не смотреть на чашу.

– Ты ищешь отпущения грехов?

– Да, ищу.

Чиновник удовлетворенно кивает.

Я каменею, когда один помощник принимается за осмотр, грубо дергая меня.

– Вес умеренный, рост пять дланей, пять узлов, волосы черные, глаза серые, никаких особых отметин, превосходное здоровье.

Закончив оценку, помощник кивает мне на чиновника. Запрокидываю голову.

– Клянешься ли ты в верности императору Гизо и его армиям?

Такого вопроса я не ожидала, потому медлю с ответом.

– Да.

Снова крики. Пот по спине теперь течет ручьем.

– Тебя привезла Владычица эквусов.

– Владычица...

Лишь спустя пару мгновений соображаю, что он говорит о Белорукой. Ну конечно, ее тут называют именно так, из-за Браймы и Масаймы. Правда, она относится к ним скорее как к спутникам, чем как к скакунам.

– Да, – выдавливаю я сквозь панику.

Чиновник снова кивает.

– Не причиняла ли она тебе физического вреда, не пыталась ли продать твою честь другим?

Мигаю, застигнутая врасплох. Не это ли случилось с теми девушками? Я-то думала, что провожатые не должны причинять им вред, но с другой стороны, люди часто делают то, что им не положено. Перед глазами мелькают образы старейшин, надо мной нависают их ножи и ведра, вот-вот мне в очередной раз отворят кровь. Втягиваю воздух, с выдохом избавляюсь от воспоминания.

– Нет, – наконец отвечаю я.

– Что ж, гора с плеч, – ворчит под нос чиновник. – Эта

обойдется без лишнего свитка.

Скрежещу зубами. Лишний свиток? Девушек обесчестили, разрушили им жизнь, а он беспокоится лишь о том, чтобы не перетрудиться. Он, как только что ушедшие джату, с этими их ложными обещаниями прав и свобод. Приходится снова выдохнуть, чтобы лицо не выдало гнев.

– Золото, – командует чиновник помощнику и, пока тот несет чашу, переводит взгляд на меня. – Это золото изготовлено особым образом, чтобы отмечать вас как собственность императора. С каждым годом оно будет тускнеть и с двадцатым годом службы исчезнет совсем. Золоченый сон не поможет от него избавиться, так что не пытайся убивать себя, твой срок это не сократит.

Не пытайся... убивать себя...

Я в таком состоянии, что в голове кружат даже не мысли, а их обрывки. Когда наконец я понимаю, что мне сказано, помощник уже закатывает мне рукава, а затем окунает мои руки в чашу. С губ срывается жалобный всхлип, хотя я чувствую лишь мимолетное ледяное покалывание. Стараюсь сдержаться, не обращать внимания на ужасный запах теперь уже моей горелой плоти, но тело дрожит, кисловатый привкус во рту все сильнее.

– Она позолочена, – говорит помощник.

– Она должным образом учтена, – заключает чиновник и смотрит на меня поверх очков. – Принеси славу Отере, алаки – себе и своему уруни.

Как только я оказываюсь за дверями зала, меня выворачивает наизнанку.

9

В желудке пусто. Лишь желчь и пыль. И это единственное, что спасает меня от гнева выпроваживающих нас из зала двух джату, пока я содрогаюсь в мучительных приступах. Руки саднят от позолоты, но я уже чувствую, как они заживают, как нарастает новая кожа под тонкой блестящей пленкой, которая удивительным образом так же эластична. Золото в тех чашах и правда странное.

Тот джату, что пониже ростом, презрительно и брезгливо ухмыляется.

– Возьми себя в руки, тварь. – Он толкает меня к ряду массивных, похожих на передвижные тюрьмы повозок.

Всего их двадцать, разных цветов, обозначающих тренировочные лагеря, разбросанные по холмам на внешних границах Хемайры. Мы с Бриттой шагаем к неприветливым красным повозкам в самом конце вереницы. К тем, что направляются в Варту-Бера. Прежде чем ночь кончится, туда доставят, по меньшей мере, сотню девушек. Новобранцы-джату уже, несомненно, в пути, готовые начать собственную первую подготовку.

Чем ближе мы к повозкам, тем сильнее запах страха. Девушки отчаянно жмутся друг к другу, перешептываются – слухи, догадки, все, что каждая слышала во время пути. А вот Бритта все еще думает о наших уруни.

– Интересно, почему им не дают сразу начать обучение вместе с нами, – бормочет она. В ее голосе слышатся странные нотки.

Оглядываюсь и вижу, как она осторожно тыкает покрывающее руки золото. Бритта тихонько шипит со слезами на глазах, и я придвигаюсь ближе.

– Кожа под ним скоро заживет, – шепчу я. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Она прерывисто вытягивает воздух и кивает.

– Вы слышали? – шепчет та самая рыжеволосая из зала, привлекая наше внимание. – Лагерями будут командовать Тени, личные шпионы императора.

– Я слышала, что они все женщины, – добавляет еще одна, низенькая и темная.

У меня в голове тут же проносится воспоминание о втором командующем.

– Женщины? – переспрашивает третья. – Быть не может. Где это видано, учителя-женщины?

Вот и я не знаю.

Безграничные Мудрости запрещают женщинам работать вне дома, за исключением случаев, когда приходится служить мужьям и семьям. И все же в Варту-Бера могут быть учителя-женщины – шпионы-женщины.

Я слышала об императорских Тенях, все о них слышала. Именно их посылают всякий раз, когда императору нужно сделать что-то быстро и бесшумно. Говорят, они облада-

ют способностями, недоступными обычным людям, мол, они умеют сливаться с тенями, своими тезками, и поражать врага с огромного расстояния. И вдруг они наши учителя? Даже осознать такое не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.